

Предстояло провести замеры у переезда к деревне Толстый Лес, перепроверить полученные накануне данные.

Ограждения Зоны ещё не сделали, только готовились. Возле Варовичей ушли вверх, к Новому Миру. На карте – населённый пункт, дома, улицы. Реально – один магазин в старой избе. Врут карты!

Врагов страны запутать или себя?

– Неизвестно, как там будет с чистой водой. Замеры надо сделать строго по времени, точно и быстро. Сложная технология забора проб грунта, с привязкой к карте, вряд ли успеем толком покушать, – хмурился Варис, рассказывал тихим голосом.

Прилетел самолёт с физиками-радиологами из Семипалатинска. Там – самая мощная радиологическая база страны. Надо им срочно передать пробы.

Я знал это от ротного.

В магазине прохладно, полы дощатые вымыты, выскоблены, чисто, уходить неохота, да надо. Несколько человек в очереди. Как они тут оказались? Вошёл мужичок припылённый, тоже встал в очередь.

В афганке новенькой. Видно, пошло в распродажу налево снабжение от тыловиков. Уже поговаривали об этом вслух, но за руку никого не поймали.

Присмотрелся после солнечного света мужичок, по привычке к полумраку низкой избы:

– Я знаю безотказный способ борьбы с радиацией!

Тема интересная, нужная, к месту, все повернулись, а он паузу выдержал и с пафосом сказал:

– Надо пить больше вина «Каберне»!

Старушка сгорбленная косынку поправила, облокотилась на клюку, махнула рукой и возразила:

– Сынку! Воно ещё разок громыхнэ, та нэ поможэ нэ какое «Кабэрнэ»! Засмеялись люди, задвигались. Только бабушка горестно молчала.

– Вот так рождается юмор! – пошутил кто-то сзади. – Сейчас много его появится. Только записывай! А мне нравится вот это:

Ускоренье – важный фактор,
Но не выдержал реактор,
И теперь наш мирный атом
Вся Европа кроет матом!

Засмеялись все, кроме продавщицы.

– Ну что там – новости хорошие? – нахмурилась она.

– Исключительно хорошие! – сказал Варис. – У нас других не бывает.

– Усих будут выселять, а то, можэ, оставят трошки? На развод?

– Командование решит, какие они, – сказал я.

– Чего-то долго воно решаше.

– Дело серьёзное.

– Да уж куда сурьезнее!

Купили ящик минералки, хлеба буханку, колбасы, пряников. В пакеты замотали еду.

Выскочили на дорогу Овруч – Припятъ.

Перед переездом железной дороги на Янов стали делать замеры.

Я запоминал, кое-что записывал для себя. Варис был сосредоточен, молча работал.

– И впрямь – тут вот уровень высоченный. Справа, метров двадцать от переезда. Необъяснимо, без всякой логики. Должно быть, что-то сильно «грязное» вывозили, да кусок и обронили.

– Может быть, ветром. Весь квадрат – четыре на четыре – нормальный. А тут что-то не так – очень мощная доза излучения, – предположил я.

В деревне было тихо, пустынно. Мы двигались медленно по улице, стараясь не пылить, и чтобы пыль не обогнала эрхашку.

Мы развернулись около Бураковки, немного не доехали до Припяти. Пора было возвращаться.

Ушли вправо. Деревня плавно увернулась рядом домов влево. АЭС осталась сзади. Уезжали от неё, и так сильно было любопытство: хотя бы глазком взглянуть – что же там, увидеть собственными глазами.

Левее, на фоне зреющего ячменного поля – высоченная ажурная конструкция. Сошла с плаката про успехи в строительстве светлого будущего.

Это был таинственный «Чернобыль-2» – загоризонтная антенна, призванная охранять и предупреждать возможный удар вероятного противника.

Уникальная разработка.

Место подходящее. Остановились в тени, у обочины, руки вымыли минералкой, пожевали колбасы с хлебом, пряников, запили тёплой водой прямо из горлышка. Перекурили. Обед закончился, поехали дальше.

Издали послышалась стрельба. Кто-то палит из охотничьего ружья. Подъехали к деревне Лубянке. Километров двенадцать от четвёртого блока, судя по масштабу карты.

Двинулись по центральной улице. Стоп! Вот в этом месте – забор проб грунта. Надо войти во двор, замерить фон, стены, воду в колодце. Вот в этой самой точке. Это очень важно.

В бревенчатом сарае лает басом собака.

На двери, белой стороной, крышка от посылочного ящика. Написано детским почерком – «Здесь живёт собака Брут. Он хороший. Не убивайте его».

В щели видно, как радуется пёс нашему приходу, вертит хвостом, поскуливает.

Пропихнули остатки колбасы. Мгновенно проглотил, облизывается.

Приступаем к замерам.

Остановился у штакетника самосвал.

Подошёл мужик в синей майке, в руках двустволка. На поясе крюк из арматуры, ручка согнута большим скруглением, синей изолентой под руку обмотана, острие блестит на солнце, видно, крюк постоянно в работе.

Сутулится, лицо усталое. Лет ему пятьдесят будет. Трудно определить – сильный загар, до черноты, небритость.

Поздоровались.

– Как тут у вас? – спросил мужик. – Помощь не нужна?

– Нормально. Сами управимся.

– Жалуются, собаки голодные мешают, не дают замеры делать. Берегут собственность – накидываются. Хозяйское добро караулят. Вот нас райотдел милиции привлёк к отстрелу. От общества охотников. Как уровень? В норме? А то – целый день тут купоросимся и знать не знаем, сколько тут радиации.

– В шерсти много концентрируется радиации, вы осторожнее. А мы тут подкормили одного бедолагу. Вы уж его не трогайте, – заступился я за пса.

– Он смиренный, – сказал Пётр, – понятливый.

– Да мы знаем. Этот взаперти, не мешает. Да нам уж и самим надоело. Вишь, – показал на плечо, – синее уже – болит. Отдача. Бьём, бьём. Примерно тысяч десять уже настреляли. Начальник райотдела милиции так сказал.

– Тихо, должно быть, всех уже перебили, – сказал Варис, – и наш молчит, наверное, понимает опасность.

– Что ты! Они тоже хитрят. Один выстрел – и все попрятались. Только уедем – они снова вылезают. Переждём пару дней – и опять. Да мы сильно-то не гоняемся. Жалко же их всё равно. А что делать? Может, убегут хозяев искать. Которые на цепи – голодные, злые. Стерегут дом, на посту. Отощали так, что из ошейников выскальзывают. Другой раз вверх ка-а-ак пальнёшь. Шанс даёшь, а он – кидается как на амбразуру. – Проробмотал тихо: – Пропади оно...

И пошёл к самосвалу.

«У каждого свой Чернобыль, – подумал я, – и один – на всех!»

Выкроили время, съездили с Егором в райотдел милиции, взяли разрешение на отстрел собак – у Егора был билет Общества охотников. Не дали нам разрешения.

И я был этому рад.

По асфальту помчались быстро, добавили оборотов.

Варис внимательно разглядывал нутро «лепестка».

– Ищешь атомы? – спросил Пётр. – Считаешь, как блох, сколько насобирали на шкуре?

– Ищу. Вот, если он порозовеет изнутри, значит, прилично глотнули. Первый признак. Запомните. Прибор может и соврать, а эта примета – самая точная.

– Ну и как?

– Нормально. Сегодня – нормально.

– А если – перебор?

– Лучше всего спиртным. Нуклиды вывести.

– Кто что говорит! – возразил Пётр.

– В прошлый прилёт из Семипалатинска радиолог, Дмитрий его зовут, рассказывал, – сказал Варис. – Был студентом МИФИ, делали опыт в лаборатории, тигель опрокинули с мощным радиоактивным изотопом. Тут же сигнализация сработала, вывезли их на «скорой». Санитар опытный, спиртика налил стакан. Лето, жара. Двое отказались, а Дмитрий выпил, закосел, конечно. Да только тех двоих давно уже нет, а Дмитрий – живой!

– Товарищ лейтенант, сегодня трезвые ляжем? – спросил Пётр.

– Да по мне бы – просто лечь поскорее, сапоги снять, вытянуться на нарах и уснуть!

Мы вернулись в лагерь, отчитались ротному, сдали карту, и тот помчался докладывать на КП сектора, в Диброво, передать образцы грунта залётным физикам...

Успели вовремя.

И в баню.

После берёзового веничка я выскочил в обычный день, в бассейн брезентовый, в чистую, студёную воду нырнул.

И заново возродился.

Обмундирование, в котором в Зоне был – выкинул в специальный бак, чистое достал из-под брезента, в камазовском прицепе его много.

Отдыхал. Спать не хотелось.

Сон, такой долгожданный, вдруг пропал. Лежал, представлял, как спасают физика Дмитрия. Потом изучил респиратор изнутри. Почти белый.

Луна высветилась сквозь брезент, заглянула в палатку, белым пятном проявилась. Тени притаились в углах палатки. Ротного не было.

Вот так всё просто – побывал в Чёрной зоне. Причастился радиации. Волновался, думал, предвосхищал, готовил себя к чему-то сверхъестественному. Освежи свою память и не перекармливай усталое воображение. Пусть они будут в разумном согласии. Сладость чистой воды – самое острое ощущение. Это – сочетание утолённой жажды и внутреннего умиротворения. Одно без другого – ущербно.

И что там сказал поэт – «гибелью грозит». Но это – лирика. Главное – самые большие уровни – навоз, солома, куриные яйца, соломенные крыши, зола. Колодцы, прикрытые плёнкой, – почти чистые.

Может быть, ещё не просочилось через грунтовые воды? Надо будет ротному доложить в спокойной обстановке, с Гунтисом пообщаться на эту тему...

* * *

Деревня Чистоголовка. Справа, с высокого холма, дальше – лес. Где-то слева и внизу, впереди, станция Янов, не видна из-за деревьев. Прямо – мутная дымка, колеблется подвижное марево из жерла взорванного блока.

Деревья впереди расступились, «рыжий лес», и вот он, развороченный блок. На крыше блока – навалы погнутых балок, панели стен и перекрытий раскрошены, белеют, рваные куски труб из нержавеющей стали на солнце сверкают острыми лучиками. Куски графита чернеют, искорёженные безумной фантазией взрыва, порыжелые от ржавчины водопроводные трубы. Особенно скученный завал топлива и графита около квадратной трубы вентиляции, на крыше, она примыкает к стенке блока. Опять завал трубопроводов, смятые армированные конструкции, какие-то части оборудования, топлива и графита – наклонно от самой земли поднимается к развороченному блоку.

Надо много фантазии, чтобы с ходу определить, чем это было прежде, где находилось и как соединялось одно с другим.

Кусок торцевой стены чудом уцелел. Ещё какой-то фрагмент стены просматривается. Между ними зияет чёрный, пустой провал, почти квадратный.

Что там было – реактор? Оборудование? Машинный зал, трубопроводы, коммуникации?

Рвануло, смяло и – унесло, разметало с чудовищной силой на все четыре стороны. Превратило в гамма-поля, на которых дозиметры зашкаливают и умирают.

... Четвёртый энергоблок предполагалось заглушить 24 апреля. При остановке реактора был запланирован эксперимент. Следовало выяснить, хватит ли механической энергии генератора до момента, когда запасной, резервный дизель-генератор выйдет на нужный режим.

Это были обычные регламентные работы, предусмотренные проектом реактора. За год до этого подобные испытания уже проводились на третьем блоке — перед тем как его выводить в плановый ремонт.

Все документы были подписаны и согласованы.

25 апреля в час ночи персонал приступил к снижению мощности реактора. В 14.00, согласно утверждённой программе, была отключена система аварийного охлаждения реактора. И в этот момент диспетчер «Киевэнерго» потребовал задержать отключение четвёртого блока.

12 часов реактор работал с отключённой системой аварийного охлаждения. В 23.10 было продолжено снижение мощности. В 1.23 начался эксперимент – оператор нажал кнопку аварийной защиты. Это было предусмотрено ранее на инструктаже и сделано для заглушки реактора вместе с началом испытаний по выбегу турбины в штатном, а не аварийном режиме. Но тепловая мощность реактора вдруг скачком начала расти. С интервалом в несколько секунд раздались два взрыва.

Много раз потом работники станции спрашивали учёных: «Как может аварийная защита не глушить, а взрывать реактор?»

Ответ мог быть только один: так был сконструирован реактор.

На пульте в Москве показало «код 4», высшая степень тревоги, но как об этом доложит Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачёву Михаилу Сергеевичу?

Страна спит на фоне отражённого зари́ва раскалённого графита четвёртого блока, не зная об этом.

С высоты двухсот метров, в багровом небе, пилоты стараются точно попасть мешками с цементом и песком в малиновую смерть, в обезумевший от сотен рентген «мирный атом».

Жизнь гибнет в безумных гамма-полях.

Всё это есть в Интернете, а тогда я смотрел и думал:

«Разорванный квадрат машинного зала! Чёрный провал, гарь, смрад и запах смерти, словно поражённый лучевой болезнью хватает воздух широко открытым ртом, из которого – убийственная вонь разложения.

Забор железобетонный, дорога вдоль до самой реки, зыбкий от высокой температуры асфальт. Тускло блестит поверхность пруда-испарителя.

Дальше – третий, второй, у самой реки – первый блок. И Припять – извивается, убегая, спасаясь, стремится всей массой текучей воды в Днепр».

Пристально смотрел я, вглядывался ниже по течению – там должен быть Киев, но не видно его, только внутренним зрением угадывал контуры города – за сто километров.

* * *

Это страшное вокруг. Оно ощущается внутри. Незримая опасность, убивающая человека. Поразительно – она рождает человеческое в самом человеке. Это единственное спасение от страха. Иначе страх не победить.

Те, кого выселяли. Им сказали, чтобы брали только документы, потому что скоро они вернутся. Специалисты быстро ликвидируют последствия, вымоют, почистят, и – назад.

Наверное, только так можно было убедить людей собраться быстро. Если бы им сказали, что они не вернутся сюда, эвакуация затянулась бы надолго, а это губительно. А так за три с половиной часа вывезли целый город – почти пятьдесят тысяч человек.

Короткий век у этого города – семнадцать лет.

Этот особый язык, набор каких-то символов. Они понятны только тем, кто прошёл, преодолел его – в себе.

Птицы, звери, рыбы, насекомые. Даже обычная трава – у всех своя ниша. И у человека тоже.

Природа создавала человека как венец своего творения, а вышло – на свою же погибель.

Но у человека – самое уязвимое положение. В погоне за комфортом он растерял многие инстинкты самосохранения. Он невежественен по отношению к природе. Это низводит его ниже самых простых, примитивных представителей флоры и фауны.

Человек интеллектуально взбирается выше, выше, и вот – сейчас полетит. Обретёт цветок бессмертия.

Это – здорово!

Коварный змей отобрал цветок у Гильгамеша.

Мечтатель жёстко падает на земную твердь. Притяжение стреноживает, подрезает крылья фантазий, цепляет к ногам гири тяготения и ньютоновы законы.

Ноги прорастают корнями и не дают улететь в небо.

И – наоборот. У зла нет периодов распада, полураспада. Оно везде – в колючем воздухе, умах, делах, отношениях, поступках. Невидимое и коварное, как нуклиды, проникающие с кровотоком в мозг, печень лёгкие. Засоряет «фильтры», поражает мозг и мысли метастазами зла.

Зло возвращается неправдой. Будь добр – говори правду!

В основе небольшого происшествия – ложь. Она многогранна. Каждая в отдельности может быть безобидной, но она тянет за собой другие. Скапливается критическая масса лжи, и происходит катастрофа. Лавина лжи уничтожает, сметает на своём пути жизнь. На земле, в шахте, в небе, в горах, под водой – в океанах и морях.

Сценарий написан один для всех катастроф.

Небо безоблачное. Страшная жара. Облака усиленно расстреливают йодистым серебром и ещё какими-то другими катализаторами.

Так хочется дождя! Стоять, раскинув руки, подставлять лицо небесной влаге.

Говорят, что прямого негативного воздействия на окружающую среду нет, если объёмы применяемого для этого вещества не превышают полграмма на один квадратный километр.

Летят самолёты, трещат вертолёты, нагоняя опасную пыль.

Кто это проверит? Дано указание – расстрелять!

Прогресс позволяет расстрелять облака. Прогресс – это когда впереди хорошо. Если впереди плохо – это возврат в прошлое. Туда может увлекать лишь ностальгия, воспоминания светлые, с ноткой грусти.

Лучшее – враг хорошего. Вечная борьба за хорошее в будущем искажает смысл нашего предназначения. Делает его бессмысленным. Красивые сказки и радужные переливы вранья похожи на шикарный хвост, за которым прячется уязвимое тельце павлина.

А под хвостом этой красоты прячется задница – не самое красивое место.

Когда нет ни прошлого, ни будущего, просто хочется немного хорошего – сегодня. Нам приказали: пойдите, узнайте, в чём дело, и сделайте воздух чистым. И воду, и землю, и крыши домов, и сады вокруг. Пусть солнечные лучи, как прежде, греют полезно и помогают созидать, а не убивают нас же самих через линзы заражённых облаков.

Вот и решили там, наверху, временно убрать облака.

Потом разверзнутся лавинами хляби небесные, перенасыщенные закупоренной влагой тучи, и будем мы брести в палатки по колено в воде, чтобы прилечь на нары и ощущать себя на плоту посередине огромного болота.

Идём, делаем. Для всех остальных.

Ездим в Зону. Уточняем радиологическую обстановку. Производим замеры. Наносим на карту показания приборов, их значения.

Иероглифы невидимой реальности.

Буднично и однообразно. В этом тоже прячется некий героизм. Мы и Зона. Кто кого – перетерпит, переможет.

И мысли лезут в голову – разные. Когда шумит двигатель «бобика», это радостная песня, и надеешься, что он не заглохнет в опасной зоне,

и тогда разговаривать не очень хочется и весь сосредоточен на том, как работает мотор.

Молчим, каждый о своём – молчим и слушаем музыку внутреннего сгорания.

Повесился лейтенант запаса. На гибком, как молодая девичья талия, стволе стройной берёзы. Листочки трепещут, солнечные блики от лакированных крыльев зелёных бабочек-листьев. Идиллия. Растянуться бы на шёлковой траве-мураве и уснуть крепко-крепко. Потом проснуться, а вокруг по-прежнему хорошо, и хочется, чтобы оно продлилось долго.

А пока сопереживаешь природной идиллии, превратишься в мумию. Ведь радиация убивает микробы разложения, гниения нет, станешь нетленным. И сам, и вся живность вокруг.

И будешь торчать идиолом, истуканом, божком каменным среди растительного буйства, существующего вольняшкой без людского несообразия и вмешательства в самое запредельное.

Или ещё вариант – взорвёшься от разрушения внутренних связей, развалишься, как бочка, потерявшая стальные обручи-скрепы, распылишься атомами, станешь энергетическим планктоном для космоса, инопланетян.

А рыбы в реке – обычные с виду, только кушать их не надо.

Здесь у нас в чистой зоне банька. Хорошо!

Верить, что всё грязное из тебя – вон. И ещё веришь в то, что истинно уверовал, ведь только так будет польза. Ибо сказано про слепых: воздалось им прозрение по их вере.

Вот лейтенант в баньке помылся, переделся во всё чистое, как на парад или в последний бой. И ушёл за штабную палатку, подальше. Один. Думали – скоро вернётся, потом забеспокоились – что-то долго парится. Не угорел ли?

Потом кинулись искать...

Не выдержал. Дрогнул.

Двое детей у него, где-то далеко. Там, где чисто и не опасно. Всего неделю прослужил. Прибыл на замену. Офицеров меняют персонально. Рядовой и сержантский состав – списком.

Я сдавал ему дела. Обучал разным премудростям. Как выжить в здешних условиях. Он внимательно слушал, задумчиво кивал, что-то помечал в блокнотике. Аккуратный, подтянутый, высокий. В солидной организации работал, за границей бывал в командировках. Проговорился, мол, подсадили его, потому сюда и отправили и уже вряд ли назад возьмут. А место – хлебное.

Это как карточку потерять в блокаду.

Похоже, это его больше всего расстраивало. И взгляд – застывший, леденистый. Холод его уже начал студить.

Не хотелось ему в глаза заглядывать.

Молчит, молчит. Слова из него не вытянешь. Потом вдруг снова про работу свою.

А мне надо ехать. Начштаба полка уже все бумаги к отправке сложил. Как теперь со мной?

Может быть, вот сейчас вернёмся, приказ и – на станцию!

И – домой! Ждал этого дня, отгонял нетерпение. Работал. И теперь ничто во мне не всколыхнулось от этой новости. Только усталость. Обыденно. Прошло то время, когда это очень напрягало, волновало. Попривык? Нет, втянулся в необходимость и согласился с таким порядком вещей.

Нет, что-то всё-таки мешает принять полностью это утверждение.
Главное ощущение – устал.

– Пётр, разворачивай. К блокам, – приказываю водителю.

– Маршрут?

– На Янов.

Поворот направо. У нас все допуски-пропуски. Летим безостановочно.

Еду прощаться.

Вот они, блоки, все четыре, выстроились перпендикуляром к реке

Припятъ блеснула впереди, ослепила, притушила зрение.

Зачем? Куда летим мы? Подвергая опасности себя, других. Не страшно, и кайф эйфории, как прежде, не приходит. Только смертельная усталость.

И вновь, вновь тянет что-то уточнить в замерах, и не верится, что это может быть так убийственно.

Эх, нет старлея из штаба сектора! Он умеет зарядить обстановку весёлым ознобом риска!

Хочется запомнить больше, взять с собой, заполнить по максимуму ячейки памяти, как соты в улье к Яблочному Спасу!

Скоро, скоро – Яблочный Спас. Лето на закате.

Вряд ли сюда вернусь. В ближайшее время уж точно.

Может быть, поэтому сейчас даю команду возвращаться в Зону?

– Давай к холму, к Чистоголовке.

Экипаж остаётся в машине, на своих местах. Лезу на холм. Довольно высоко и круто. Лезу, карабкаюсь. Стою, и во мне крепнет уверенность, что подо мной курган, в глубине которого погребён князь, и конь, и уварь, и меч, рядом благородные воины свиты в богатых доспехах.

Прекрасный вид. Деревья расступились. Вот он – раскуроченный, жалкий бок взорванного корпуса, вместившего в себя семьдесят пять Хиросим.

Останки машинного зала. Именно – останки, как о погибшем человеке.

Оператор главных циркуляционных насосов, дежуривший в ту смену, не найден.

Только памятная табличка с именем.

Где-то там, правее, впереди – Киев. Родина моя! Отец строил Южный железнодорожный мост, а тут и я появился, ворвался в лихорадку буден первым криком, изменил привычный ход вещей.

Отцу тогда было, как мне – сейчас. Немного за тридцать. И были потом другие мосты в его и в нашей семейной жизни.

Большие: через Волгу, Урал. Могучие плечи рек.

Но этот – первый.

И я тоже – первенец.

Снова эта мысль вернулась ко мне.

Начало долгой работы отца с горячим железом мощных заклёпок, высокие, ажурные пролёты. На крепких опорах-ногах шагает мост через синее пространство большой воды, между далёкими берегами.

– Это не страшно? – спрашивал я его, повзрослев.

– Храбрость без знаний – безрассудство. Пшик. Пустой риск, гибель. Чтобы закрыть собой амбразуру, хватит одного мига, и всей жизни станет мало, такой он огромный, этот миг, поэтому надо быть личностью.

Бездна мгновения.

Он был немногословен, разговаривал негромко. Немного сутулился от работы с тяжёлым железом.

Меня принесли в пелёнках. Мама оставила старшую сестру, ушла в магазин. Лёгкая, красивая. Мама моя.

Атомная энергия материнской любви.

Я расплакался. Сестра стала качать, успокаивать. Кроватка опрокинулась, и я мгновенно успокоился.

Так рассказывала сестра.

Было ли это каким-то особенным знаком в самом начале моей жизни?

Всё это время я лишь помнил о том, что родился в Киеве. Потому что вскоре переехали на другую реку. Там тоже был большой мост, но другой.

В школе гордился, потому что вспоминалась живая артерия реки, не надо было напрягать память, чтобы представить её, хотя и был я совсем маленьким.

Настоящее потрясение происходит на генном уровне.

Это же – про меня. Я знал, что есть это постоянство, которым можно гордиться, Киев. Вспоминал, гордился, но эта память была абстрактной. Как пальцем ткнуть в пустое брюхо пробитого глобуса.

Теперь родина меня позвала.

– Настало время возвращать долг, Володимир! Ибо сказано в Апокалипсисе, и стало пророчество пронзительной реальностью случившегося: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

Ведь слово «чернобыль» и означает «полынь»...

– Вот он – я, нэнько, мамо! Весь перед тобой! Вернулся я на родину. Не когда благостно, а когда смерть пропитала воздух вокруг. Я – твой! Скажи, что надо сделать ещё, чтобы не было тебе так больно! И страшно за детей твоих! Я и младенец – вновь родившийся сейчас, младенец, зависимый от матери, питаемый ею, подчинённый её воле. От этого зависит моё здоровье, здоровье многих, разных людей и вся жизнь – потом.

Я рождаюсь заново, стою на вершине кургана, пытаюсь понять – кто же я теперь?

Вижу с холма в Чистогаловке – Южный мост. Через плазму текучего марева жаркого дня, перенасыщенного радиацией. Отец строил его фермы тяжким трудом, чтобы я смог на родину вернуться. Красивый, прочный, многопролётные конструкции легко и надёжно над водами летят.

Днепр блеснул зеркалом широкой воды, поманил лучиком надежды, прохладной глубиной тайны.

Киев, Киево-Печерская Лавра, купола соборов, поражённые невидимой глазу гибелью.

Каштаны, застывшие в горестном тумане катастрофы.

На огромной высоте облако смерти ринулось к Киеву, ведь роза ветров именно в ту сторону направлена, но оттолкнулось от стен Лавры и понеслось на Скандинавию, Арктику.

Помощь небесная спасла. А перед этим за два года было в Чернобыле пять локальных аварий, более шестидесяти отказов техники, но режим секретности запечатывал уста и дарил благодущие.

Перепуганные чиновники долго не решались доложить Горбачёву о трагедии. Он был в театре.

Шведы первыми оповестили мир о взрыве 30 апреля и моментально стали эвакуировать людей из опасной зоны, решив лишь потом выяснять причины.

Советские газеты отметились коротенькими информушками о случившемся: дольше хранить молчание было подозрительно.

Чтобы убедить мир, что всё «по плану», опасности нет, – провели первомайские демонстрации.

Весёлые демоны идеологии.

Наготове стояло 2600 автобусов, 4 поезда.

Дал «добро» народу генсек Компартии. Тридцать семь часов летучая смерть гуляла и бесчинствовала в Припяти, окрестностях, пока не «благословил».

Только после этого началась эвакуация.

Всё это время люди облучались, заражались радиацией. Шли мамочки через «рыжий лес», коляски с детьми катили, спешили, дыхание перебивая.

Наказание пришлось нести как всегда – безвинным.

Лития, моя молитва вне стен Храма. Услышь меня, нэнько.

Ведь отсюда до Киева – сто километров, но другим взором гляжу я теперь на родину мою, надеясь и работая.

Не смогу я пройти по этому мосту.

Он для эшелонов, грузов.

Здесь место моё сейчас и дело моё, вместе с другими.

* * *

– Пора, товарищ лейтенант, – время, – напомнил Пётр.

Я спустился с холма.

– Ну, что там хорошего, товарищ лейтенант? Москву не видно? – спросил Полищук.

– Нет. Москву не видно, хотя все на неё смотрят, сами мало что решают. С родиной пообщался. Подумал немного. А то всё гоним, гоним круглые сутки. А Рейхстага – не видать!

– Я тоже на родину вернулся. Сказала – надо! Я... меня, нас всех... И я – вернулся. Разве откажешь! И военкомат здесь ни при чём! Формальность, пустое. Жил бы здесь и не тужил.

Смеётся белозубо Полищук. С ним всё ясно – Полищук, значит, полесский.

– Бойся желаний – они исполняются, – говорю ему, замолкаю и думаю: я не смог привыкнуть к виду выселенных деревень! Вдруг явственно понял, что же так отвлекало в привычном, тяжёлом, изнурительном и каждодневном.

Пётр молчит, хмурится.

Мы возвращаемся. Едем к КПП третьего сектора.

Въехали в лес. Три фигуры, как по команде, с дороги развернулись – спешат в чашу, не оглядываются. Мужчина пожилой, парень. Пацан худосочный между ними. Кожа у всех белоснежная, как ножка у молодой сыроежки.

Корзинки в руках большие. Одеты легко, просто – по-деревенски. В какие-то незамысловатые вещи. В пилотках солдатских. Острижены наскоро – под ноль.

Что собирают? Нуклиды впрок? Грибы? Июль месяц.

– Стой!

Пётр резко затормозил. Пыль обогнала эрхашку.

Выждали немного. Это не очень хорошо. Пыль – первейший враг.

Выскакиваю.

– Стойте! – громко приказываю троице.

Идут в лес, не оглядываясь. Огибают плавно заросли высоченного ядовитого борщевика. Огромного «укропа», выше человеческого роста. Марсианская нереальность растений и происходящего вокруг.

Явно слышат меня, но не реагируют. На мародёров не похожи. Странная компания. Что здесь ищут? Какой приз наметили схватить?

– Всем стоять на месте! – вновь приказываю громко, чётко.

Только лающий кашель в ответ. Значит, хватанули дозу.

Понимаю – зря. И начинаю злиться.

Они спешат, уходят вглубь леса. Мухоморы, как знаки радиологической опасности, – торчат, предупреждают о беде, могучие, высокие, словно на дрожжах возросшие. Лезут на глаза нахально. Корзинки у троицы пустые. Лоза плетения – коричневая на просвет. Значит, налегке, без хабара идут, без добычи.

Вдруг все на четвереньки встали, приняхались, вприпрыжку понеслись в лес. Ловко, играючи, сумасшедшим, обезьяньим галопом. Лавируя умело между деревьев.

Самолёт несётся над лесом.

Нарисовался на ненавистной от жары голубизне неба.

Я голову задрал: низко-низко летит, деревья колышутся, ревут двигатели, приближается. Сейчас из брюха польётся густая жижа, оплодотворит всё видимое и невидимое мёртвой слизью.

Бегом в машину.

Поливает обильно коричневым латексом. Густым, грязноватым сиропом цвета хозяйственного мыла, но без запаха. Листья загрязнил, исказил зелёную прозрачность лёгких солнечных бликов.

Радиоактивный нерест, пыль к земле припечатал. До первого дождя. Когда ему разрешит высокое начальство пролиться на растрескавшуюся землю? Зона задыхается от жары.

Спрятался в кабине. Успел. Все смотрим вверх. Латекс прошуршал по брезенту машины, лобовое стекло помётом глупой чайки замарал.

Улетела, так же неожиданно, как и появилась, незванная птица. Смотрю в лес. Троица исчезла. Ловко, сноровисто. Может быть, в норку спрятались? Норные жители.

Снорки – шустрые, неуловимые сущности...

Или притаились. В зарослях бурьяна-бастыльника. Среди волчиц – помеси волка и собаки; лисиц – помеси собаки и лисы; тумачков – зайцев, русака и беляка. Среди таких же генных мутантов, только в животном обличии. Пометивших хищно, изошрённо, едва уловимыми следами свою территорию.

Тут им вольняшка, но и с ними тоже происходит необратимое в самой их сути, как бы они ни оберегались инстинктами.

Кем они оставлены – эти трое? Кто затеял этот эксперимент и, возможно, исподволь наблюдает сейчас? По чьей злой воле или технологии убийственного опыта?

Уже хлопочет всюду природа, быстро приспосабливается, создаёт невиданную прежде экосистему. Как ящерица-саламандра восстанавливает утраченные хвост и части тела. Выживает то, что не нуждается в человеке и чему человек активно мешал прежде.

Филины, совы, летучие мыши. Изящные красавцы – серые журавли, белохвостый орлан, чёрный аист, лебеди, тетерева, орлы, утки. Мелкие певчие птицы, шумные сороки и вороны. Сперва опешили, умолкли, потом ворвались в гулкую тишину. И откуда они появились вновь? Зайцы, лисы, выдры, бобры, ондатры, косули, лоси, стадо диких лошадей и стадо зубров и ещё несколько десятков редких животных, сбежавших со страниц Красной книги. Медведь и рысь. Откуда, когда? Ведь Зона огорожена колючкой, чуткой слаботочной сигнализацией. Стоит птице присесть, зверю прикоснуться, срабатывает сигнал тревоги и мчится БТР с дежурным нарядом.

На то они и звери, чтобы умело красться, ползти неслышно к добыче и уходить незаметно от врагов.

Еды с лихвой хватает всем: развелось несметное количество разных насекомых, земноводных и пресмыкающихся. Воды Припяти бурно вспениваются, переполнены рыбой. Появились редкие виды растений – прежде забыли, как они выглядят. В результате животных стало столько, что Зона может вполне их прокормить.

Всё, что на ней, весь мир её зелёный
Сосёт её, припав к родному лону.
Среди пород нет лишней и пустой,
Всё с чем-нибудь, и всё на свой покров.
Какие поразительные силы
Земля в камень и цветы вложила!

(В. Шекспир, «Ромео и Джульетта»)

Собаки и бродячие коты вспомнили и вновь обрели звериное в себе, теперь питаются не отбросами со стола человека – охотятся на крыс, мышей, мелких тварей и птиц. Живут в заброшенных схраонах и сами себя кормят. В Чернобыльской зоне выживают самые стойкие к неблагоприятным воздействиям радиоактивного облучения. А мутанты исчезают по закону естественного отбора.

Природа в который уже раз зализывает раны и восстанавливается.

Если, конечно, поблизости нет человека, легкомысленного венца этой самой природы.

Много приходится ездить по Зоне, это даёт возможность не только смотреть на колебания стрелки прибора, быстро записывать показания, но и на природу вокруг полюбоваться.

Четвёртый блок, вагончик строители бросили, около него обитали лысые собаки, недолго. Прикормились, не ушли. Доверились по природной доброте, ждали людей, еды. Блестели на солнце лакированной кожей худых тел сквозь легкомысленный пушок, оставшийся от густой шерсти. Только между когтями на лапах и под мышками чуть больше шерсти.

Кожаные вставки на зимних шапках, раньше в гражданской авиации такие же были, блестящие.

У народа майя был «Кодекс Рио» – Кодекс реки. Там последствия радиации описаны так: «Пришедшая собака была без шерсти, и у неё отпали когти».

Значит, была уже ядерная зима.

Когда Земля сойдёт с изломанной оси и вновь изменит свой облик из-за страшных потрясений?

Толмачи снова, в который уже раз, пытаются растолковать мудрых майя.

Мир периодически истязает себя ядерными катастрофами. Почему, зачем ему эта страшная епитимья?

Периодическая таблица атомных катастроф.

Позже узнал – до двадцатого мая смертельно могло загадить природу – до Франции, всю Европу!

Зачем всем знать об этом!

Европа где-то далеко, тут же реальная опасность.

Попадают в руки фотографии, они распадаются быстрее, чем успеваю подумать и вернуться к ним, мучительно вспоминая – что же было на них прежде изображено. Да что проку вглядываться в чужую жизнь?

– Вы в порядке, товарищ лейтенант? – приблизилось встревоженное лицо Петра.

Прямо перед моими глазами лицо. Пропало лицо.

Смотрю на белое небо. Ни облачка. Как я соскучился по облакам. Глупым, легкомысленным, перистым, пушистым, послушным капризам ветра. Кучевым, дождевым. Разным, стремительным и плавным, прохладным и тяжёлым от переизбытка влаги, как загруженные бомбардировщики перед полётом.

Что, если расстреливать облака специальными реактивами, чтобы влага в них превращалась в мороженое и оно бы плавно опускалось в ненадёжные стаканчики ладоней солдат, женщин, детей? С неба – вкусными, цветными, искристыми пластинками. Бережно ловить в подставленные ладони и облизывать, не стесняясь, не боясь микробов и нуклидов.

Тогда соблюдался бы Закон сохранения счастья.

Жара плавит мозг. Долгий, надоевший зной.

Кукушка. Бессчётно. Пьяная от жары, радиации?

Что это было? Хронометр смерти?

– Обезлюдил край. Хуже холеры... эпидемией радиации – опустошили. Пустыня, – сказал устало, поцарапал словами пересохшую глотку.

– По безлюдью смерть не ходит, – возразил Пётр.

– Нет, не всё так сумеречно, природа трудится каждую секунду, чтобы возродиться здесь вновь. Она переполнена жизненными соками.

Когда это произойдёт? Через двести, тысячу, сотни тысяч лет? Природа знает сама. Не надо ей мешать.

– Можно людей обмануть, а природу не получится, – вздыхает Пётр

Он протянул большую бутылку минералки. Я плеснул на лицо горячую воду. Остатки вылил на голову. Стало душно.

Облегчения вода не принесла.

Тяжёлая вода Чернобыля.

* * *

К КПП Диброво подъехали в пятом часу. Жара спадает, а прохлада ещё не наступила.

Пыль осела. Конец июня.

Скопление грузовых машин. Работа идёт круглосуточно.

Водитель, честняга-пахарь. На КПП, короткая минута перед тем как разъедемся и, вполне вероятно, никогда больше не увидимся – тысячи и тысячи людей круглосуточно едут, везут груз.

Говорю ему – ты на себя посмотри – наелся же нуклидов, сейчас блевать начнёшь, кости уже «мягкие», как сырая глина, ничего в них не осталось, видно невооружённым глазом, куда тебя ещё несёт!

– Та шо ж! Начальство обещало хату у мистэцтве, у том, у Києвэ!

– На кой хрен она тебе сдалась? Посмотри на себя!

– Так ото ж – нэхай. Вжешь дытына будэ жыты у той хати!

«Жизнь дала трещину – поеду на Троещину» – шутят киевляне про отдалённый жилой массив на левом берегу Днепра. А ещё – Харьковский массив, улица Правды. Спальные районы Киева. Туда заселяют после аварии работников Чернобыльской атомной электростанции.

Кому-то дали, но как всегда – большую часть – обманули! Ведь текущих городских очередников пришлось подвинуть. И кому это понравится? Косятя киевляне на «новосёлов».

У некоторых водителей азиатская желтизна на лице, белки глаз тоже, но шофера на каком-то сумасшедшем кураже крутят баранку, ездят в Зону. Только ли из-за денег? Хотя и немалых. Из-за метров квадратных в столице?

Перед КПП «лепесток» беленький новый водитель напялит, разовый или знаменитый респиратор РМ-2, шлагбаум проскочит, тут же снимет – в зеркале заднего вида только руки мелькают: несподручно, хоть инструктируют постоянно.

И полетел со скоростью 80, а то и 100 километров в час.

Шутки появились: «Если хочешь стать отцом, обмотай яйцо свинцом!»

Или вот ещё. Новый герб Киева: двуглавый хохол на фоне четвёртого блока.

Легковушку вдруг заметил – стоит чуть в стороне.

Подрабатывают извозом отчаянные водители-частники.

Косятя на них.

Милиционер документы проверяет, вокруг мужики толпятся, держат наготове пропуска, ждут своей очереди. Никто не возмущается. Толкучка небольшая, но процедура знакомая, хочется пройти её поскорее.

В негустом тенёчке белой акации две пожилые женщины. Лица горестные. Эти могут попроситься: подбросьте до деревеньки, документы забрать, что-то памятное, не громоздкое, фотографии осенними листьями, с мятыми углами.

Предметы и одежда потеряли смысл своего предназначения. Военная униформа и химзащита здесь в почёте.

Внутри «бобика» за спиной водителя – ДП-3, прибор стационарный, «печка» громоздкая, редко включаем. Нас не проверяют особенно, машину скрупулёзно не досматривают.

За ней спрячем старушку, провезём в Зону. Их же выселяли-то, как в войну. Зайдёшь во двор замеры делать – фон-грунт-крыша-стены-вода в колодце – в окно веранды или хаты глянешь, а там – стол накрыт, тарелки, посуда. Простое всё. На закуске седые волосы канидий пенициллина колышутся.

Словно ураганом одномоментно людей вымело, унесло.

Да собственно так и есть – ураганом беды их разметало.

На ближайшем милицейском посту адрес дали, показали на карте. Вот здесь могут проявиться мародёры. Пока Зону не обнесли колючкой слаботочной, ловили их, негодяев, постоянно.

Потом, когда отгородили Зону, мародёры подкупали милиционеров и вывозили батареи отопления, трубы, ванны, проводку срывали в домах, запчасти снимали на могильниках транспорта и техники, металлолом везли в Киев.

Безмозглые.

«Кому война, а кому мать родна».

Документы бабульки сложат в старый ридикюль или в платочек обернут бережно. Договоримся, где и во сколько встретимся потом, вывезем обратно.

Пытаются расплатиться: отворачиваются, какие-то трёшки припрятанные извлекают из-за пазухи, мятые, тиснуть норовят. Да только не разживёшься – на чужом-то горе!

Наотрез отказываемся – мы же на полном пайковом и финансовом «удовольствии»!

И вот только наш «самовар», эрхашка, в очередную деревеньку въезжает – старухи-вещуньи воют в голос:

– Сынки, та ж мабудь, нэ будэмо экиовироватца! – Во как чётко работал сарафанный телеграф!

Вещи заражены, как правило, да и неказисты стали за многие годы и уже никому не нужны. Главное – память и «метрики».

Очень скоро люди поняли главное. Война!

В Зону попасть быстрее.

Обратно едем – устали, хочется поскорее отдохнуть, а надо замерить уровень радиации на колёсах и мыть после проверки машины на ПУСО – пункте специальной обработки.

Бойцы в «химзарезе», с противогАЗами – технику мою, которая из Зоны возвращается. Как черти... жара, а они во всей этой сбруе! Сильной струёй воды, порошок стиральный туда добавляют: «ЗИЛы», «МАЗы» стоят по обочинам. Ревут, напрягают механические жилы моторов. Вода «грязная» стекает в канаву. Приезжает очередной проверяющий хмырь из штаба – первым делом туда везут, рассказывают, он записывает. К канаве подведут, прибор включают, покажут жуткую реальность, он – прыг в машину, полетел, в Зону не заезжая. Водки хлопнет – народное средство для борьбы с нуклидами, – и был таков!

И больше уже его не увидим. Ужасы знакомым рассказывает – бывалый!

Из нашей роты в Подольск поехал боец, в архив Вооружённых Сил, недавно совсем. Справку какую-то подновить для пенсии, да и справка-то ерунда, а мурыжили его три дня! Он спрашивает клерка:

– Что это у вас строгости такие?

– В Генштабе, в Москве, обнаружили целую ораву полковников, липовых «чернобыльцев». Выправили себе пособия, по триста рублей в месяц. Проверили, а многие и вообще в Зоне не были!

Представляешь, какая серьёзная прибавка, чтобы так рисковать своей биографией, честью мундира? Что это, почему так?

Пётр едет медленно по самому краю кювета, мимо машин, объезжает аккуратно людей, чтобы не пылить. Эрхашка объезжает очередь, никто слова не скажет – мы не конкуренты, а вот если пыль поднял и погнал на людей, можно запросто схлопотать. Как минимум на словах, а можно и жёстче – шофера народ простой, нервы взвинчены, некоторые пашут по много часов в день. Идёт поставка металла, цемента, бетонных плит для строительства саркофага.

Официально – проект «Укрытие».

Везут с разных сторон. Бетон доставляют мощным потоком, бесперебойно, несколько тысяч тонн в сутки. Щебёнку гонят по реке баржами.

Быстро отстроили для этого пристань новую в Плютовищах. До взорванного блока километров двадцать, может, чуть больше. Потом её в Лелев доставляют, там бетонные заводы, а уже бетон миксеры на ходу готовят, спешат, везут крутящиеся бочки в Копачи, на перегрузку, на бетонные насосы, и немедля – на заливку саркофага.

Он размером с пирамиду египетскую.

Температура на месте катастрофы до двух тысяч градусов, но, слава богу, расплавленная масса не просочилась в реку. Был бы новый взрыв, и пришлось бы тогда выселять три области – Киевскую, Житомирскую и Черниговскую.

Страна напряглась, грузы гонят в основном на КПП «Дитятки». До Киева чуть более ста километров. Оттуда до Чернобыля около двадцати минут на машине.

Металл под арматуру, балки, конструкции, огромные пролёты ферм – варят, не останавливаясь на перекуры, монтируют на базе «Сельхозтехники» в самом Чернобыле, а уж потом доставляют бесперебойно, день и ночь, к будущему саркофагу.

Но и через наш КПП третьего сектора, в Диброво, тоже много грузов везут.

Пока Пётр очень медленно двигается, всё это всплывает в памяти.

Ну вот уже и милиционер в окошко улыбается, видно, как щёки респиратор подпёрли. Тут уже все друг друга знаем. Но пропуска, все четыре, проверит: ФИО старшего машины, ведомство, номер, с какого по какое число, год.

Всё очень просто – однажды просмотрели, что надо было продлить пропуск, потом нагоняй был большой от проверяющих. Их тут много сейчас по дорогам и тропкам мелькает. Освоились «ликвидаторы». Не то что в первые дни вселенского ужаса.

* * *

В расположение части прибыли. Вышел, размялся слегка.

Решил привести себя в порядок, потом в офицерской столовой посмотреть игры чемпионата мира по футболу в Мексике. Телек дохлый, чёрно-белый, едва показывает. Какие-то тени сумеречные по экрану носятся, но всё равно – интересно.

Весь июнь чемпионат длится.

Звёздный час Марадоны. Два гола забил бельгийцам в полуфинале. Второй раз Аргентину привёл к победе на чемпионате. «Золотой мяч» ему вручили.

Сколько было радости, когда в своей подгруппе сборная СССР разгромила Венгрию со счётом 6:0.

Наш Игорьь Беланов в символической сборной мира!

Предвкушаю, как болеть буду.

Отметил про себя, что возле санчасти стоит «буханка», на которой Гунтис с командой отвозил хоронить утопленника в Ригу.

Посыльный бежит из штаба, командир части вызывает срочно.

«Зачем?» – подумал.

Вошёл в палатку, доложил о прибытии. Командир сидел за столом. Строго приказал:

– Вам бандероль заказная, надо срочно получить, товарищ лейтенант.

– Где?

– Да вон, сзади.

Оглянулся. Свет из-под краёв брезента задраенного оконца.

Женщина молодая. Стрижка короткая. Профиль такой знакомый. Са-
рафан хаки... Удивиться не успел.

– Вот это сюрприз! Жёнка – ты? Не может быть! – закричал радостно.

– Как видишь!

– Ты давно тут? Вообще – как ты тут оказалась?

– Села и приехала. Просто!

Мы смотрели друг на друга, а командир улыбался, смотрел на нас.

– Ну ты и впрямь сумасшедшая! Какая же ты красивая! Чудо!

– От волнения, наверное, раскраснелась. Я сразу решила, когда ваши ребята привезли этого мужчину хоронить... ну, погиб который. Гостинцы твои передали, письмо читаю, буквы радиоактивные складываю... разбегаются, волнуясь, снова перечитываю. Так несколько раз. Держу в руках – тёплые, но не обжигают. Поеду. Нет, не поеду! А потом засомневалась, может, всё-таки – поехать? Села поплакала, к маме съездила, дочь ей оставила, она ничего не сказала. На работе отпросилась. Позвонила Гунтису, собралась быстро. И в путь!

Мы разговаривали, обнимались и снова говорили.

Я заметил, что в штабе никого нет.

Вышли. Возле «буханки» стоял Гунтис и улыбался:

– Ну как тебе сюрприз?

– Удружи-и-ил! Всем сюрпризам – сюрприз! Благодарю! – крепко руку пожал. – Как удалось проскочить кордоны?

– Кордоны это ерунда, главное сложность была – проскочить по чистой территории! Вроде бы получилось, но даже советский Госстрах не даст гарантий.

Пётр уже подхватил, перенёс в эрхашку большую сумку жены.

Я боковым зрением наблюдал, во все глаза на жену глядел.

– А это – Пётр, водитель мой, – рукой показал.

Так нас с женой и сфотографировал Гунтис, на фоне эрхашки – я стою крепко, в форме, сапогах, и жёнка рядом, словно иллюстрация к «Домострою»: «Жена, прилепится к мужу».

– Давай-ка, Пётр Алексеич, подожди меня, я с командиром переговорю, увольнительную надо выправить. Не каждый день жёнка в гости наезжает. Такой праздник! У Иваныча на постой надо попроситься.

– Вся деревня пустая! В любой хате ночуй! – сказал Полищук.

– Это ничего не значит, что пустая, есть порядок, надо его соблюдать.

– Так мы не против!

– Лена, вы проходите в салон, – улыбнулся Пётр, приоткрывая дверцу.

– Вы что... знакомы?

– Нет. Но вы же кричите на весь третий сектор – «Ленка!», извините, «Ленка!»

– Действительно, – засмеялся, – знакомься – жена моя.

– Лена.

– Пётр. Сержант Кирсанов.

– Очень приятно, – сказала Лена, усаживаясь позади. – Володя писал про вас. Никак не добьётся, чтобы домой вас отпустили на собственную свадьбу. И отпускать, говорит, жаль, надёжный человек, бывалый, – засмеялась.

– Ничего, придёт наше время. – Пётр покраснел от похвалы.

«Какая она стройная! Гибкая», – щекотнуло радостно у меня внутри.

– Ой, тут кто-то есть, прячется, – вскрикнула Лена.

– Боец невидимого фронта, гвардии сержант, мастер-дозиметрист первого класса Полищук Степан Андрееч. В составе гвардейского экипажа истребителей нуклидов.

– Лена.

– А ты чего не остался в расположении, Полищук?

– Когда же я ещё в такой красивой компании покатаюсь! – раскланялся, привстал навстречу, головой брезентовую крышу приподнял. – Тут одни мужские морды кругом, конечно, приятно, – засиял лучисто Полищук, – даже тошнит иногда от этих морд. Пётр, приоткрой окошко, мы ведь не в Зоне, будь ласков!

– Ты дырку-то в крыше не просверли, зима впереди. Я зна-а-ю, с чего тебя тошнит, – сказал Пётр, – просто выворачивает после ночных замеров.

– А как же, известное дело – радиация! Да я и не скрываю от товарищей по службе.

Оба засмеялись.

– Ты, Стёпа, зря народ не пугай. Выходи строиться! – приказал Пётр Полищуку.

Полищук покряхтел, вылез нехотя.

Машина выехала на дорогу, двигалась медленно по краю соснового леса, лужицы небольшой.

– Как ты первые дни пережила? – повернулся к жене.

– Пять дней с ума сходила. Каждый день в военкомат звоню, там ругаются: мол, не сейте панику! Пришла на приём к военкому – выпроваживает: всё идёт по плану, гражданочка! Обычные учения, идите домой! Потом открытка пришла поздравительная, с Восьмым марта. Это в середине-то мая! Взяла в руки – сердце зашлось – адрес странный... я твой почерк знаю... Раскрываю, а там телеграмма от руки написана. Видно, срочно передали по телефону, а здесь записали от руки. Потом смеялась долго – такими детскими каракульками, печатными буквами прописано старательно.

– Это вот – Петру спасибо! Отыскал в темноте, невесть в каком углу, на границе Литвы и Белоруссии, среди дремучих лесов и непроходимых болот, отзывчивую женщину. Эшелон гнали хитро, ничего нельзя было придумать.

– Спасибо вам, Пётр.

– Скажете тоже! И вам спасибочки на добром слове, – покраснел Пётр от удовольствия.

* * *

Приехали в деревню Буда-Варовичи.

Тихо, безлюдно.

Приземистый мужчина смотрит из-под козырька ладони на подъезжающую машину.

– Феодосий Иванович Борщ, начальник фельдшерско-акушерского пункта, деревня Буда-Варовичи. – Руку пожал. – Сторожем устроился на старости лет, караюлю хаты, а зараз и теряю квалификацию. Один тут, как былинка по-над край болота. Располагайтесь, живитт. Хочь хто-то, живая душа. У меня же деток тут було богато... своих пятаеро, все врачи, позаканчивалы медицинские институты, как с города понаедут на усё лето, а уж соседских не перэсчитать. Так кажное лето отож шум,

смех, а в этот год... не можно уснуть, от так тихо-тихо. Ягода пошла, калубника, богато, через край грядки валяются, усыпано усё ягодой, небывалое такое количество, а кому, зачем? Зря уродилось. Всё – вон выбрось! Заразное. У ямину усё схоронить приказуют.

Я сумку в дом занёс:

– Что же ты туда наложила? И как эту тяжесть подняла!

– Не пешком же, на машине.

Сумерки тёплые плавно опустились на прогретую, тихую землю словно в задумчивой печали.

Вошёл в дом, стараясь не греметь сапогами. Пока разговаривал с Феодосием Иванычем, Лена уснула, разметавшись на кровати, прижав кулачки к груди, словно защищалась от кого-то.

Не стал её будить. «Устала девочка», – подумал и непроизвольно улыбнулся.

Кровать с панцирной сеткой, ножки, прутья светлым размывом серо-белых полосок, поверху шишечки никелированные, шарики, слегка потерявшие от времени блеск.

Обычная обстановка деревенской избы.

Светлый вечер синим ровным светом пролился в окна. Занавесок нет. Комната полупустая. Божница без рушника. Икона простая, открытая: Богоматерь голову набок склонила к пухлому младенцу, персты приподняла в крестном знаменнии.

Лампадка теплилась подвижным малым огоньком. Тишина.

Душногато после дневной жары, но в открытую форточку уже проник свежий воздух.

Я сидел на венском стуле, положив на колено простыни с чёрной меткой номера части, три полотенца белых поверх, машинально вертел в руках пилотку, нащупывал пальцами колючий овал эмблемы, в полуулыбке тихо любовался спокойным лицом, позой жены. Оглядел комнату – куда бы положить бельё?

«Как же давно не сидел я на стуле, не спал на обычной кровати – всё какие-то доски, нары, табуретки в лучшем случае. Всё, что может скопить радиацию, убрано, – оглядел комнату, отметил про себя. – Это хорошо, а вот то, что с таким трудом наживалось, и пришлось уничтожить – плохо».

Подо мной скрипнул неожиданно стул.

Лена повернула голову, вздрогнула. Не сразу поняла, где находится. Потом улыбнулась.

Я наклонился, осторожно поцеловал. Присел на край кровати, она сместилась к моему боку.

– Извини. Не хотел будить.

– Ничего, надо вставать. От тебя пахнет берёзовой рощей и кирзой. Я долго спала?

– Ты спала красиво. Я залюбовался. Устала?

– Измотала меня дорога. Даже сил не осталось сходить в душ. Федосей Иваныч предлагал, а я... – потянулась, правую руку положила мне на спину, грудь вперёд подалась, обрисовалась рельефно под халатом, полы разошлись, натянулась ткань под пуговицами и приподнялась, обнажая стройные ноги.

Я мгновенно отметил.

– Не Федосей, а Феодосий... город ещё такой есть – Феодосия. В Крыму.

– Чудное такое имя... и фамилия какая-то тоже...

– Борщ. Очень даже украинская фамилия.

– Как ты?

– Я взял увольнительную. Гунтис подстрахует, тебе привет передал... и все наши. Говорят – жена у вас, товарищ лейтенант, героическая... отчаянная! Не побоялась. – Улыбнулся.

– Глупость большая, какой тут героизм. А ты – как тут живёшь-служишь?

– Конечно, говорю им, столько лет воспитывал, воспитывал, и вот – пожалуйста! Да что я? Дверцу закрыл и поехал. Туда-сюда! Восемь часов отъездил, помылся, попарился веничком, переделся и спать. Курорт. Я за всю жизнь столько раз в баню не ходил. Потом опять всё снова. Некогда особенно лирикой заниматься. Хотя бывает, замеры, цифирьки в глаза лезут, заставляют думать... Ну а ты – как?

– Нормально. За денежку спасибо. Очень кстати. Дочка так рада была и гостинцам, и письму твоему. Садится кушать, кладёт рядом твою фотографию. Слушается беспрекословно. Ждёт тебя, рассказывает всем – вот папа вернётся... с войны. Щенка купим. Добермана.

– Хорошая моя. В собачьей шкуре столько радиации собирается! Да что это я опять про радиацию... мы теперь бога-а-атенькие. С полевыми, фронтовыми, экипажными, коэффициентами всякими, начислениями! Купим породистого пса. Дорого, не дорого. Как-то всё это – далеко от теперешней моей жизни. Нет реальной цены деньгам. На полном пансионе, государственном обеспечении, на всём готовом. Кормят на убой. Чего только нет. Со всей страны... даже ветчина югославская. В банках. В магазинах такого не видывал, как здесь. – Я легко прикоснулся к жене. – Я так соскучился по тебе. А мы говорим о чём-то неважном, о второстепенном. Словно боимся друг друга и готовимся какую-то невидимую черту переступить. Рядом нет тебя, а мысли, воспоминания, внутренний диалог – с тобой, и это самое надёжное твоё присутствие. Приходится довольствоваться этим... Хотя это и грустно, но утешает мысль, что не навсегда. – Я вновь прикоснулся к жене. – Теперь только начинаю понимать, как сильно... – прошептал, – я люблю тебя и очень сильно хочу. Как много ты для меня значишь.

– Я тоже.

– Ты – единственная. Надо было так далеко уехать, оказаться в таком месте, чтобы понять...

– Ой! Мне надо быстренько в душ.

– Во дворе кабинка, бочка большая, запасной топливный бак от вертолётa, алюминиевый. Вода за день, должно быть, хорошо нагрелась.

– Я видела. Мне Феодосий предлагал, но я упала и уснула, а сейчас очень хочется освежиться.

– Здесь такая обстановка – чем чаще моешься, тем крепче здоровье.

Она села. Обнял её за плечи, привлёк к себе, осторожно прикоснулся к губам.

Шершавые, пересохшие. Кажется, сейчас заискрит электричество.

– Всё! Не расслабляться! Немного терпения! Я уже встаю, – растрепала короткие мои волосы.

Она легко подтянула ноги к подбородку, сжалась, спрыгнула с кровати, наклонилась, ноги заголила зазывно. Потом полезла в большую кожаную сумку, достала электрические щипцы, засмеялась:

– Вот, сверху положила, приготовилась отбиваться от приставок и нахалов.

Я пощёлкал зажимом, погладил холодный белый металл:

– Видно, не пришлось в дело пускать – следов запёкшейся крови и остатков волос не обнаружил.

Она достала полотенце. Милые, домашние запахи.

– Слушай, Лен – может, вместе – в душ? – сказал просительно, встал, наклонился осторожно, прикоснулся к её губам.

– Нам воды не хватит на двоих. Я быстро, – засмеялась, – потерпи хороший мой. Нетерпеливый, как юноша, – зарделась Лена.

– Да уж – в расцвете сил. Только недолго. Я же не мерин кастрированный.

– Огрубел, Володя! Явно. И какие-то новые выражения. Держись! – Засмеялась, а глаза серьёзные.

– С разными людьми приходится общаться, с крестьянами, военными, шоферами, физиками. И держался из последних сил. Вот только теперь вдруг расслабуха напала. Так коварно. Увидел тебя, и напала. Сбила меня с уверенного строевого шага!

Она прижалась всем телом. Мы обнялись, потом отпрянули друг от друга, засмеялись вместе.

– Видишь, я даже целоваться разучился. Не с кем! Теряю форму – катастрофа! – сказал горячим шёпотом.

Наклонился, пуговицы стал медленно расстёгивать на её халате. Грудь ладная, уютно уместилась в ладонях.

Распахнул спереди халат.

– Потерпи, Володь, – умоляюще, руки скрестила на груди, – я же с ума сойду и никогда не попаду в душ, – и уже с порога махнула полотенцем, на плечо положила, сбежала по ступенькам крыльца.

Короткий смех со двора долетел. Счастливый, беззаботный, обещающий.

Закон сохранения – счастье не возникает из ничего и не исчезает бесследно.

Я смотрел в пустой проём окна.

«Возвёл себя в квадрат окна». – Странная мысль.

Посмотрел на кабинку душа. Вода шумела, стекала по пяткам жены, убегала через решётку в середине, в слив. Руки мелькали белые, поднимались к затылку, пальцы волосы встряхивали, перебирали под струёй на макушке.

Парок едва видимый поднимался к белой бочке – ночи прохладные, скоро кончится лето.

Луна светит, любопытничает во весь серебряный диск, и бак вертолётный фосфоресцирует по контуру, смотрится присевшей ненадолго летающей тарелкой.

«А завтра опять надо выезжать, людей не хватает, работы много, – подумал и огорчился, – совсем немного часов останется из трёх суток этого праздника».

* * *

Лена вернулась свежая, желанная до безумства, до изнеможения. Оглядела комнату. Дверь закрыла. Не сразу меня увидела за дверью у окна. Засмеялась звонко. Я подошёл, поцеловал.

– Стоп! Я хочу, чтобы ты меня не лахудрой из бани увидел рядышком... а женой, женщиной – во всей красе, – стряхнула капельки с влажных волос.

– Это важно?

– Конечно! А как же! Странно, что ты этого не понял до сих пор.

Фен зашумел, тёплый ветерок по комнате пролетел. Ловко пальцами отделяла прядки волос, тёмные от влаги, накручивала на горячий стержень.

Я присел на пустой подоконник. Закурил, дым пускал вверх, он белым пушком на фоне ночного ультрамарина улетал нехотя в открытую форточку.

Свет фар поплясал за деревьями, посигналили.

– Наши возвращаются. Значит, полночь, – сказал тихо.

– Я же тебе часы привезла! – Она наклонилась над сумкой, достала пакетик. – Растеряша... наша.

– О! Спасибо! Трудно здесь без них. Постоянно Петра напрягаю. Очень кстати.

Вновь посигналили.

– Что там?

– Покоя нет! Ник-ка-кой личной жизни!

– Это что, тебя? Вызывают? – вскинулась тревожно.

– Так. Дурочку валяют. Завидуют, черти камуфляжные! Знаешь, я тоже, пожалуй, быстренько в душ сбегаю. Освежусь. Пока ты затейливый локон укладываешь.

– Сбегай.

Я плескался под остывающей водой, умирал сумасшедшее желание. Хотелось рвануть прямо вот так, мокрым и голым лягушонком упасть в кровать вместе с женой, сбивая температуру разгорячённого тела. Прощмыгнул ночным призрачным видением, тенью летучей мыши в дом скользнул.

Лена стояла рядом с кроватью в светлой ночнушке. Тонкие бретельки на покатых плечах, почти незаметные, острые соски лёгкую ткань приподнимают, дурманят одним лишь видом. Родная каждой родинкой, волнительными изгибами, про которые только я знаю.

– Прости – ты же голодный, а я тебя расспросами терзаю!

Небольшой столик накрыт развёрнутыми салфетками. Открытая банка домашних огурцов, нарезка колбасы, ветчина, сыр с тмином, банка шпрот, копчёная курица, помидоры, пучок укропа, банка сгущёнки. В центре поблёскивала золотом этикетки бутылка бальзама «Цветок папоротника». Шоколадка раскрытая, разломанная на неровные квадратики.

– Сегодня же – Лиго, праздник. Янов день. Я торт испекла, твой любимый – «Высокий негр с белыми запонками». Немного примялся... в фольге. За два дня дороги. Кружка только одна... может, у Федосеича... Ивановича поискать?

Я молча обнял жену, полотенце упало под ноги. Поцеловались крепко, жар снова обдал меня горячим дыханием. Не разъединяя рук, рухнули на кровать, только старые пружины вскрикнули, ужаснулись чему-то забытому, подкинули нас весело вверх, а потом мы упали вниз и закачались в маленькой лодочке. На лёгких волнах, торопясь навстречу друг другу.

Она застонала от близости. Жадно потянулись руками, снова обнялись крепко, ослеплённые внутренним пламенем, яркой вспышкой, прикрыли глаза.

Лежали рядом голые, стыли, медленно приходили в себя, наслаждались прохладой из окна, сломленные самой чудесной истомой в мире.

– Спасибо, – прошептал я, поцеловал её в плечо. – За праздник – спасибо. Только в лес не пойдём, цветок папоротника искать не будем в этом году. Я уже нашёл, что искал. Я самый счастливый во всём полку!

– Сколько человек в вашем полку?

– Много. Военная тайна!

– Вруша! Поди сам не знаешь, тумана напускаешь.

– Тысячи три в полку... это скучно.

– Я ничего в этом не соображаю. И ты – один?

– И ты. Ты – тоже?

– Я тоже. Мы вместе, не одни.

– Значит – два счастливых человека. Неплохо на целый полк!

Я повернулся к ней, любовался. Её глаза были большими, тёмными и чуть-чуть влажными. Гладил под простыней грудь, медленно, едва ощутимым, как дуновение, прикосновением, наслаждался, не мог успокоиться и сдерживал себя:

– Какая удивительная у тебя кожа. Струится шёлк в мои ладони. Жаль, стихов писать не умею. Про шёлковый путь моих рук.

Она повернулась ко мне, смотрела, не мигая, во все глаза, и скрытая тревога притаилась где-то в глубине. Благостное ощущение померкло. Я вновь легко поцеловал жену.

Она прикрыла глаза. Медленно, со вкусом целовались, всё жарче, теснее прижимаясь горячими телами.

– Как ты тут? – тревожно спросила вдруг. – У нас такие ужасы рассказывают, никто толком ничего не знает, что-то пишут в газетах, трескучие передовицы, что скоро всё очистят, заселят снова. Врут, конечно, а что конкретно, где – никаких населённых пунктов не называется. Припать, мелькнуло название пару раз, а так – только Чернобыль, Чернобыль... на слуху. Темнят, все это чувствуют... приходится домысливать.

– От Чернобыля до четвёртого блока – восемнадцать километров. Самое чистое место во всей Зоне. Плиточкой коричневой всё обложено, на общественный туалет похоже. Трижды в день моют раствором. Там же правительственная комиссия. Не волнуйся.

– Как же не волноваться... Нет – я, должно быть, и впрямь сумасшедшая. Чего я сюда притаилась, в такую даль? Правда? – сказала она, сложила руки в подол ночнушки, плечи опустила.

Меня резанула интонация, расстроила. Показалось, что она молча плачет.

– Ты мне правду рассказываешь? – спросила тихо.

– Я тебе не вру. Тут спокойней. На войне всё видишь своими глазами, сам в этом непосредственно участвуешь... главное – владеешь правильной информацией, вот она, реальная обстановка, замеры делаешь сам, а не пользуешься слухами. И это место... знаешь, я, кажется, вот прямо сейчас понял – эти люди, те, что остались в Зоне, не уехали – они меня благодарят и сохраняют. Я нужен многим, очень многим людям. Пашем – там, в Зоне. Я бы не сказал, что она Чёрная. Она светится изнутри. Ночью, в темноте, там такие ощущения вдруг появляются. В Зоне отчуждения что-то чуждое... неземное, космос необъятный. Особенно ночью, голову поднимешь к небу, и кажется – Вселенная крутится

вокруг меня, но я не боюсь. Ведь он же страшно радиоактивен, космос. Другая сущность, воля, энергия. Возвращаемся из разведки, и – что-то такое происходит с нами... Спросишь себя – я ли это или кто-то другой спешит в лагерь? Отдых, и снова – вперёд. Так вот я сегодня – живу и работаю. Это спасение, без каких-то там трескучих фраз. Не только моё спасение, наше, многих людей. Я сейчас на всё и всех другими глазами смотрю. Когда знаешь, что происходит и что надо делать – ты свободен. Такое непривычное состояние – при всей подчинённости, военной субординации, строгой системе учёта, отчётности многоступенчатой. Никогда не думал, что такое возможно в армии. И ещё – часто бывает необъяснимо тревожно. Что-то накапливается, количество переходит в качество. Потом отпускает, вроде бы проходит. Всё-таки люди, подчинённые, вроде бы все взрослые, но бывает, как дети себя ведут. Я вижу то, что прежде бы не заметил.

– А у нас анекдоты гуляют вовсю. Какие-то глупые. Я их и раньше-то не особенно любила, не запоминала. Рассказывать так и не научилась, а сейчас... раздражают до невозможности. Помнишь, мама рассказывала, в войну... ну, вши в войну – кажется, из воздуха берутся. На работе смеются – «импотенты делятся на радиоактивных и радиоопасных»! – Она отвернулась. – Потом меня заметят, стесняются, замолкают, отходят... как от заражённой. Мучаюсь, терзаюсь. Ревность вдруг. Никогда такого не было со мной. Одна, надумаю себе чего-то, не с кем толком поделиться. Письма твои читаю, читаю. Хорошие письма, столько в них откровений. И впрямь там про космос. Тревожно, хотя и ничего особенного, а тревожно. Понюхаю зачем-то... письмо твоё, как будто след тебя отыскиваю, чтобы стало понятней. Пытаюсь представить – как ты там. Здесь. То смеюсь, то умираю, а то вдруг – оживу, заплачу. Начинаю кухню мыть, окна, стирку разведу на целый день. Копаюсь, злюсь на себя, на медлительность. Устану. Чтобы упасть и уснуть скорее. Стала много плакать. Раньше не замечала. От всякой мелочи могу разреветься. Смотрю, чтобы Катюши рядом не было... и давай реветь. Потом тискаю её до безумия, она спрашивает – мама, что с тобой?

– Что ты! К кому тут ревновать? – засмеялся. – К Зоне? Она тебе не соперница. Тут главное – сам старайся не суетиться, спеша, но медленно, следи... себя сохраняй. Приеду, первым делом в душ... Хорошенько попарюсь. Командир тут приспособил камеру проварочную под баню. Лес вокруг берёзовый, чистый, веничков наломал, сколько хочешь. Вещи, форму – сразу на уничтожение, в специальный контейнер, неважно, сколько пыли на ней накопилось. Никто не заставляет, сам для себя старайся. Для тебя, для Катьки. Спи, пока не проголодаешься, а потом ешь, пока не устанешь, – засмеялся, помолчал. – А с командиром – повезло. Толковый у нас командир!

Я поцеловал её руки, держал в своих руках, пальцы перебирал, мягкие, родные, успокаивал молча и сам успокаивался, стараясь не думать о том, что снова завтра ехать в Зону, радуясь и уже начиная грустить, понимая, как прозительно скоротечное это свидание.

– Гунтис рассказывал... мужчина этот.

– Которого отвезли похоронить?

– Ну да. – Она прикрыла глаза.

– Успокойся. Речка – чуть выше щиколотки, быстрая, вода ледяная.

Набирал воду для кухни, там чистая вода. Нарушил инструкцию, поехал один. Стало ему плохо. Упал лицом вниз и захлебнулся. Погиб.

Что-то у него с сосудами. Собрались его везти на родину. Ротный уговорил начальство Гунтиса нашего послать сопровождающим – у его старшей дочери выпускной в школе. Письмо с ним передал, книжки – в Полесском книжный тут у нас, неплохой. Задружил с продавцами. – Я коснулся губами солёных глаз. – Что-то ты совсем расклеилась, девочка моя. Ну, я-то уже волчара опытный!

– Долго была зажата, не позволяла себе... теперь вот ты рядом. Я такая слабая, трусиха. Я умру без тебя, ты помни об этом. Слышишь! Всегда помни!

– Нам ещё жить да жить! Твой приезд, он меня всего перевернул. Мы теперь с тобой неразлучны... В Японии тех, кто оказался под бомбами в Хиросиме и Нагасаки, чудом выжил, называют «хибакуша». Закон о хибакуша даже есть... Те, кто подвергся облучению, мужчины и женщины, вступают в брак только друг с другом. И нас тоже – Зона повенчала. Теперь, пока мы есть, будем вместе. Одному трудно пережить страдания. И от болезней и от запретов. Такой закон. Суровый, но – таков закон.

– Я так хотела тебя увидеть, прикоснуться. Обнять. Какое-то безумие меня охватило, овладело целиком. И стало по-настоящему страшно!

– Катя теперь единственный наш ребёнок. Наша доченька.

– Почему?

– Радиация во втором поколении может нехорошо проявиться, мутация генов, скажется на внуках.

– Так в чём причина аварии?

– Тут много факторов сошлось самым ужасным образом в одной точке: изначально спроектировали с серьёзными погрешностями, оборудование бракованное, и наше и югославское, технические регламенты не соблюдались. Обычное раздолбайство. Физики рассказывали, их тут много перебивало: страшная авария могла произойти на Кольской атомной станции, потому что сварщик, простой сварщик, на самом ответственном месте ради премии слепил халтуру – заложил в канал электроды и слегка прихватил их сваркой. Обнаружили чудом. А могли потерять целый Кольский полуостров.

Лена тихо заплакала, отвернулась:

– Страшно. Просто и поэтому страшно.

– Страшно тем, кто не успел родить, но прошёл через Зону. Хотя мы солдат-срочников в Зону стараемся не пускать, около кухни воюют, но каждый человек по-своему это переживёт. Около четвёртого блока «рыжий лес», там самый высокий уровень. В первые дни через него шли с колясками, беременные мамочки. А мы – счастливые, Ленка, везучие, ты слышишь? – Я смеялся до слёз. – У нас же Катюшка, красавица-дочь!

Потом стал нежно целовать лицо, откинул простыню, пощекотал, едва касаясь, утренней, новой щетиной подбородка, притиснул губами крупные, тёмные, родные и упругие, хмельные виноградины сосков. Задохнулся до головокружения.

Не помнил, сколько времени прошло, и рухнул обессиленный рядом.

* * *

Проснулись оба, вместе и сразу. Светало робко, ночь уходила бесшумно, старалась нас не разбудить.

Долго лежали молча, без сна.

– Ну вот – опять надо идти под душ, – засмеялась, погладила моё плечо.

От этого прикосновения я ощутил себя сильным, крепким, словно были мы у себя дома.

– Душевная обстановка. Жаль.

– Чего жаль?

– Причёску жаль. Понравилась мне твоя причёска, девица-краса, дивная коса. Хорошая такая. Для полевых условий – класс! Только при-вык, оценил по-настоящему.

– Правда, понравилась? – обрадовалась, вскинулась. – Вот видишь – я была права! Татьяна на работе говорит – не стригись коротко, не узнает тебя Володя, а я пошла в салон. Правда, неплохо? – покрутила головой.

– Какая же ты девчонка всё-таки! – и подумал: хорошо, что короткая стрижка, меньше радиации накопится.

– Я ещё раз сделаю! Прямо сейчас.

Она перекатилась через меня, я почувствовал коротко её лёгкость, потом – весёлый укол желания, забывая про усталость.

Вскочила, халатик накинула на белое тело, мелькнула, стройная, желанная:

– А мы Федосеича не разбудим?

– Он в летней кухне. Нам не мешает. И мы ему тоже. Может – спит?

Я открыл бутылку, плеснул в бокал, понюхал:

– Давай по очереди. Одним цветком папоротника наслаждаться.

– Давай! – присела на краешек кровати. – Чем пахнет?

– Лесными травами целебными, спиртом. И аптекой ещё – лекарством. Горьким лекарством.

– Лекарство сладким не бывает.

– Цвет чёрный, как глубокий омут.

Напиток был крепкий, мы сделали по большому глотку, мгновенно захмелели, легко, обессиленно и невесомо, обнялись и уснули.

Эршаки проехали краем леса, после утреннего построения и развода, в Зону. Тихо, не пылили, колдобины аккуратно объезжали.

Солнце растеплило ночную прохладу, ослепило, поднимаясь привычно, весело золотым светом комнату озарило, через пустые оконные проёмы, временное жилище ненадолго стало уютным.

Вдоль дороги вышагивали черногузые аисты, запрокидывали головы назад, щёлкали кастаньетами клювов, стараясь понравиться друг другу, но мужчина и женщина ничего этого не видали. Голые и беззащитные, в чужой стороне, вдали от собственного дома, спелёнутые в сон, усталые, словно после долгой дороги.

Важные мгновения, будто целую жизнь прожили за такие короткие сутки.

* * *

Я и тогда в Зону ездил, кто за меня поедет?

И скорей назад, в деревню, к жене!

Лежим на простынках, как в первый день – Адам и Ева под яблонькой. Всё старо, как пыль, как мир, а вот усталость приятная и восторг – неповторимые.

Кожа у жены нежнее нежного на ощупь, гладил, наслаждаясь, запоминал руками. Народоваться не мог, хотелось прикасаться. Молча друг другу рассказывали, каждый своё.

Тишина неестественная. Слышно, как трудяги муравьи под землёй в лабиринтах усиленно топают.

Они как в блиндаже – спасаются под землёй.

Наверное, такая же пронзительность была перед атомным взрывом. Природу не обманешь.

Через окно аиста видно в гнезде – примета хорошая, а он ногу поджал, словно денди на тросточку изящную облокотился, рядом подруга, голову запрокинул, клювами перестукиваются деревянно, молоточками любовного ксилофона, головы запрокидывают назад, птенец в гнезде, а они разговаривают, семья, новостями делятся.

– Тебе снится беременность?

– Нет.

– И мне Чёрная зона не снится.

Жена заплакала, и мне тогда захотелось, но нельзя! Один должен быть сильнее, в каждый конкретный момент.

– Не оставляй меня. Дети уходят, – тихо заплакала, – и снова, как в начале, – ты и я.

Обнялись, да так и уснули.

Потом я спросил хозяина нашего, Феодосия: что это у аиста – всего один птенец? Радиация мешает?

– Нет, – отвечает, – военные тучи расстреливали, лето небывало жаркое, лягушек мало, двух птенцов – не прокормить! Птиц – не обманешь!

Природа – регулирует, вот аисты и выкинули яйца из гнезда, по одному оставили.

А женщинам делали аборты. Практически с первых дней. Всем, у кого срок до трёх месяцев.

Так и у нас осталась одна дочь, единственная, а меня пытаются – какие последствия? Разве всем расскажешь?

Три дня, что три минутки, только на часы глянул, а уж и пролетели они! Как стремительно минуты скользят, пропадают, когда вокруг – опасность! Цены им нет настоящей и скорость другая.

Скорость света завораживает, да вот только мрак рассеивают лампочки в конце туннеля.

Женщина живёт мечтой о своём мужчине, а замуж может выйти совершенно за другого. А когда совпали половинки, есть ли большее счастье?

Кто ты, Кузнец, кующий без усталости узы брака?

Повёз на поезд жёнку свою, на станцию Коростень. Все куда-то едут, суматоха, сорвались с привычных мест. Узлы-чемоданы. Тревога в воздухе уплотнилась.

Еле билет достал. Стоим, молчим, обнялись, и нет ничего вокруг и никого. Да и слов таких не найти, нет их просто, чтобы описать, что же с нами происходит, только слёзы остались. Этого-то добра – в избытке.

Вот так – «поговорили», поцеловались, в глаза посмотрели друг другу.

Поезд тронулся, и я – тронулся следом. Уехал поезд, и меня увёз, а я всё стою столбом, путаюсь под ногами, мешаю людям с вещами.

И она – будто рядом, боюсь шевельнуться, наваждение это сказочное спугнуть боюсь. Очнулся – суета перронная, а я – усталый, опустошённый, меченый атом толпы, модное словцо – сталкер, и ещё горше стало, чем до её приезда. Но и без этого – тоже ведь – беда!

Память. Памятник радиации из гипса или бронзы не отольёшь. Опять гены приходят на ум – кирпичики, из которых мы сложены.

Когда уж и я на поезде отсюда уеду, когда свидимся с девчонками моими?

* * *

И опять – Зона-Зонушка, Чернобыль – полынь горькая.

Есть ли там теперь жизнь в полном смысле этого слова? Нет, конечно. Зона заселена редкими людьми и тысячами тех, чья память поселилась здесь в страшные времена ликвидации.

Вскоре у ротного день рождения подошёл.

Поздравили его. Песню на известный мотив спели под гитару. Свой радиоузел был у нас. И припев слегка переделали:

Ещё немного, ещё чуть-чуть,
Миллирентген – опасный самый.
А я в разведке его ловлю,
И жду письма от милой мамы...

Не Пушкин, конечно, но Бармину понравилось.

И снова в Зону.

В Лубянку приехали замеры плановые делать. «Скорая» около дома. Врачи горестно хмурятся. Бабушку в пёстром байковом халате, тапочках домашних в машину усаживают. Волос у неё почти нет на голове, в косынке, а заметно. Руки по локоть в багровых пятнах, видно, температура высокая, еле двигается. Дышит с трудом, рот чёрным провалом, держится за поясицу.

Последние числа июня.

Так я впервые увидел поражённого радиацией человека. Не на плакате, не на занятиях «гроба» – гражданской обороны, как говорили мы тогда.

Реальную карту местности сделали. Крестом заражённая местность разлеглась, разновеликим по сторонам, неправильной формы. Больше всего – на Беларусь и Брянщину. Меньшим концом – в сторону Киева, но там концентрация побольше.

Нарисовали как есть: где, сколько, какие уровни. Подтвердилось предположение Бармина: радиация – аэрозольного типа, то есть около земли вполне мог быть ноль, а на высоте метр-полтора – уровни зашкаливают местами.

И вышло опять шиворот-навыворот: те, кого срочно отселили, могли бы оставаться, а тех, кто живёт, давно пора выселять.

Спешили быстро, а спешить надо было медленно.

Так что в архиве Министерства обороны лежит эта карта, и на ней стоят подписи радиоактивные. Ротного и моя. Может, под стеклом? Не так опасно. Скорей всего – в сейфе секретном.

В конце июля съел и я свою дозу.

А у нас в полку образовался стихийно подпольный комитет по возвращению. Бунт намечился. Но поначалу как всегда – брожение.

Инициативная группа спонтанно организовалась. Написали письмо в ЦК Компартии Латвии. Так, мол, и так, «мы, наследники красных латышских стрелков», и тэ дэ и тэ пэ, призвали нас на сорок пять суток, которые давно уже закончились, но про замены никто нам ничего не говорит. Если замены не начнутся в самое ближайшее время – «штык в землю, шинель в скатку», и пойдём лесами по домам.

Письмо передали с надёжным человеком.

Вскоре прилетел командующий Прибалтийским военным округом, генерал-полковник. Пораздавал поощрения, награждения.

Дед Мороз в разгар лета.

Наказали невиновных, наградили непричастных.

Гунтису – ничего, хотя написали не один рапорт и ротный, и я.

Не удивительно.

Ротному – боевой орден «Красной звезды», звание майора присвоили. Ну, уж хоть тут порадовали!

Погоны мне вручили перед строем полка – старшего лейтенанта – головокружительная карьера! Благодарность объявили, грамотку в руки, и – пошли плановые замены.

С собой в самолёт командующий взял первых.

И мы всем офицерским составом роты тоже – на замену.

На станцию прибыли. Билетов, конечно же, нет. Командир бутылку водки достал, завернул в полотенце вафельное, начальнику станции в стол подложил – сразу нам целое купе нашлось. Как туз из рукава – тотчас же билеты появились.

Едем, водку пьём, закрылись в купе, все разговоры – только про дом. «Война» надоела и притомила.

И я всё думку думаю – что же это было? Со мной, другими. Сильнейшая усталость мешает, а мысли не отогнать.

Водка не берёт. Выйду в тамбур, курю, курю.

Люди снуют туда-сюда, тамбур неудобный. Видят – в форме, тотчас интересуются – вы не из Чернобыля, как там обстановка?

– Всё уже под контролем. – А сам думаю: так ли это? Надолго ли?

– Хорошо! – радуются любопытные, бегут дальше, перебирают ногами, балансируют, чтобы не упасть.

Переодеться бы сейчас в гражданское платье!

Противоречив человек. Сам с собой, что уж про других говорить. Там, в Зоне, мне казалось – я свободен, но в какой-то момент я стал рабом этой свободы. Нет, не у власть предержащих стал я рабом, а сам себе. Добровольно. Одна лишь мысль: «А не повторится ли весь этот ужас вновь?» сделала меня рабом, закабалила на всю оставшуюся жизнь. Только осознав весь ужас вокруг, можно понять, что свободен? И теперь моя рабская зависимость будет моим же господином. Это со мной всегда будет теперь. Но я достойно пережил всё, что со мной произошло, и свобода моя – не материальная, внутренняя.

Свобода коварна, потому что кажется доступной – руку протяни. Кому-то нестерпимо мечтается, чтобы она наступила, и он идёт на преступление. Она как солнце, которое светит для всех, да всем ли во благо и какое растение взойдёт под этим солнцем? Тугие щёки бутонов счастья или ядовитые цветы зла? Поди узнай!

Человек не может жить без кислорода, воды, еды, солнца. А без свободы? Ведь свобода насыщает кровь кислородом.

У кого-то от большого глотка свободы начинается помутнение разума, и тогда свобода превращается в воровскую песню про «волю» преступную.

Степень, глубина свободы. На какую глубину сможешь погрузиться, но, возвращаясь, можешь смертельно заболеть кессонной болезнью, потому что в жилах закипает кровь от громадной свободы.

Кто-то об этом и не догадывается – живёт, как птицы, деревья, камни. Он свободен изначально, он часть этой природы вокруг и поэтому не задумывается, насколько свободен.

Может и не знать такого слова – свобода, но прожить всю жизнь с полным ощущением внутренней свободы.

Личность, если свободна, то лишь в короткие мгновения творческих озарений. Они как инъекция, прививка от серости вокруг.

Потом наступает разочарование. Депрессия – обратная сторона вдохновения.

Свободный человек не может быть ни рабом, ни господином, но есть мир вокруг, в котором я не смогу быть свободным от самого главного, при всём желании.

Христос был свободен, но Христос – любовь. Значит, любовь – это свобода.

Наказание несвободой – пожизненный срок.

Я уезжал в Зону из той страны, в которой вырос, учился, работал. Ничтожная степень свободы казалась мне настоящей свободой. Теперь я возвращаюсь в другую страну, которая только нарождается. Я это ощущаю очень остро, потому что там, где я был, время стремительно несётся по другим законам.

А прошло-то его совсем немного – времени.

Катастрофа мгновенно, трагически обозначила черту, от которой, стало ясно очень многим, – новая эра наступила.

Вышли на вокзале. Посмеялись, разбегаясь по домам:

– Как это так – ни цветов, ни оркестра. Несовместно!

Стою на светофоре. Вдруг какой-то лихач тормознул передо мной. Я дыхание задержал, хлопнул себя привычно по боку, а респиратора-то нет!

Хорошая реакция!

Посмеялся над собой.

Приехал домой, обнялись, девчонки меня не отпускают, а я про радиацию думаю! Погоны, знаки отличия снял скоренько, в пакет форму, сапоги, и в контейнер мусорный, да и бегом после этого – под душ. Так привычней и спокойней.

Наутро смотрю – дворник щеголяет в моей униформе! Что я ему – объяснять буду? Надо было бы закопать в роще – да уж ладно, с него обмундирование вместе с кожей только снимешь!

А он довольный. Останавливает жильцов, хвалится и удивляется, говорит: «При товарище Сталине – к стенке бы за такую безхозяйственность поставили. Полный бардак в стране творится с этой перестройкой!»

Да, думаю, – открыл бы ты рот при товарище Сталине! «Сто шестьдесят пополам – пятьдесят восьмая, враг народа».

Дома праздник настоящий! Ходим друг за дружкой. Потом обнимашки, и снова друг за другом топаем. Смеёмся и – обнимашки!

Обнимализм – максимализм объятий, одним словом.

Закрепили ликвидаторов за спецполиклиникой, в ней ветеранов партии и прочая, прочая лечили.

Пришли вдвоём с Гунтисом встать на учёт. Кушетки напротив, легли. Врач достала родной наш ДП-5Б. Пощёлкала переключателем. Возле шеи зондом поводила, у каждого по очереди.

– Видите, даже стрелка не шевельнулась. Всё нормально.

– А батарейки в приборе имеются? – поинтересовался дотошный Гунтис.

– Какие батарейки?

Врачи – неумехи, профессиональную форму давно потеряли с этим заслуженным контингентом, даже кровь из вены взять – проблема! Локтевой сгиб – синий, в кровоподтёках.

Но! Не пошла у меня с первого раза «формула крови»! Плохие отношения у лейкоцитов с эритроцитами сложились, если вглубь не лезть. Искололи изрядно усталое тело бойца.

Плюнул я в один прекрасный день на все эти заморочки медицинские.

И всей семьей полетели мы на Азовское море, через Киев. Чудесно на родине моей, только опасно, радиация кругом. Были-то всего один день.

Поехали в Лавру. Дочь до сих пор эту красоту вспоминает. Сколько уж лет прошло.

И три недели отдыхали беззаботно на море, фрукты, вино домашнее! Вернулся, врачи проверили – отличные анализы. Спрашивают:

– Вы по методике академика Пупкина восстанавливались?

– Канешна!

Сошлась «формула»! И сделал я ещё один важный вывод – не зацикливаться на болячках, переключаться на светлое. А тут уже перестройка – в полный рост, и кому я нужен, кроме самых близких да парочки друзей?

Впрочем, этим тоже нельзя сильно заморачиваться.

И вдруг однажды начался сильный перезвон – срочно скликали «чернобыльцев» в 40-е отделение республиканской клиники им. Страдыня. Скоренько слетелись мы. Каждый подписал некую бумагу. Плотную, серую, с гербами и «курицами» – о нераспространении информации и что нет у нас претензий к правительству США и впредь не будет. Только что присягнуть не заставили и знамя лобызнуть. Взяли у нас анализ крови в разовую колбочку, выдали под роспись десять баксов. Новенькие, слипшиеся, краской пованивают, будто фальшак всю ночь печатали. Объявили, что всё это мероприятие проплачено заботливыми американцами. По результатам отберут двести человек из «первой волны» и на военно-транспортном «Геркулесе» отвезут в военный госпиталь, во Флориду, для дальнейшего обследования. На месяц.

Так всё и затихло. А ведь какой уникальный урожай фактического материала собрали! Всего за 60 000 «зелёных» (шесть тысяч «чернобыльцев» из Латвии умножаем на десять баксов). По стоимости лимузина средней паршивости.

Вот такие они и есть, пиндосы, – горазды на чужом горбу в рай прокатиться!

Посмеялся потом над своими нереальными ожиданиями.

Медленно возвращался к жизни после Зоны.

Первое время по два-три раза в год в больнице вылёживал.

Пришёл на комиссию.

– Вы неплохо выглядите, по глазам вижу, – говорит председатель, тётка с глумливой ухмылкой.

– Вы офтальмолог? – спрашиваю.

– Ну вы и правда в хорошей форме. Внешне.

– А вы не в глазки мои заглядывайте, а историю болезни почитайте, там всё написано, потом делайте выводы.

Не понравился я той тётке. И другие сурово поглядывают. Такое ощущение, что из зарплат членов комиссии мою пенсию сложат. Или у них установка – отсеивать.

На оборону не хватает, а тут путаются какие-то инвалиды!

В итоге сняли десять процентов нетрудоспособности. Осталось – семьдесят пять.

Семь раз за десять лет обследовали: по двадцать-тридцать специалистов обойдёшь, и на комиссию.

А вдруг – обманываю!

И получил я пожизненную группу инвалидности.

Выдали удостоверение на десять лет.

– Что-то мало вы мне жизни отмерили.

– Закончится – продлим, – отвечают без улыбки.

Недавно налог ввели на пенсию инвалидов второй группы. Думаю, на очереди инвалиды первой группы.

Как-то лежим в палате, шесть человек. Трое из Риги, остальные со всей Латвии.

Утром видимся и вечером. В остальное время бегаем по врачам, обследование проходим, курс лечения назначили. Надо всё успеть за две недели. А везде очереди. Угрюмые люди смотрят на нас – какие вы, мол, инвалиды, руки-ноги при вас, своим ходом передвигаетесь!

Не будешь же спорить, но неприятно.

Как только соберёмся в палате – давай рассказывать про своё житьё-бытьё.

Вадим из Резекне, у окна лежал, а я в углу, по диагонали.

– Зимой перекантуемся с женой. Весной в лес. «Москвич» старенький. Живём в шалаше, собираем грибы, ягоды, травы лечебные сушим. Заготовки делаем, а главное – выносим на продажу, и всё лето денежку копим, складываем копейку, чтобы зимой хватило за квартиру заплатить. Отопление страшно дорогое.

Ночью просыпаюсь от шороха. Привстал на кровати, смотрю, а он с вечера яблоко от кожуры очистил, нарезал дольками, сахаром из банки ложечкой посыпает и ест.

Утром ему сдавать анализ на сахарный диабет.

Заметил, что я смотрю, стал оправдываться:

– Пенсия маленькая у меня, одна на двоих. Жена безработная. Умрём, если группу инвалидности отберут, пенсии лишат.

Лёг я. Сна нет. Слушаю, как он яблоком хрустит с сахаром, думаю грустную думку, и так меня это по душе корябает:

«Вот он – кто? Дезертир, самострел, ответственный человек или герой? С кого спросить за жизнь такую? Да и не жизнь это – выживание героическое в надежде на хорошую жизнь».

Бесплатная медицина закончилась, убрали 11-й пункт Сатверсме – Основного закона. Фонды выделяют разным категориям, чтобы лечиться бесплатно. Только это отдельная очередь, ждать надо месяцами, к

июлю они уже заканчиваются, а болезнь дожидаться не будет. Хочешь быстрее? Плати!

Реабилитация по Закону предусмотрена раз в год. Только приписка в этом Законе – «...но в порядке очереди». И вот эта-то приписка Закон херит полностью. Так что ждём по два года, а кто и больше.

Частенько возражали разные людишки по разным поводам, когда аргументы заканчивались, – «мы вас туда не посылали».

Зато сейчас посылаете на все четыре стороны, а то и вообще... и выживайте, как хотите.

Мы знакомы давно. У него трое детей. Лет двадцать тому назад уехал в Москву, чтобы прокормить себя и семью. Выжил, состоялся, уверенно стоит на ногах в жизни и в бизнесе.

Действительно талантливый предприниматель.

По-настоящему предприимчивый, можно и так сказать.

Имеет свою точку зрения на всё и вся. Может её убедительно отстоять. Одно время общались часто и подолгу, теперь всё больше по Скайпу.

Зашёл разговор и про Чернобыль.

– И на хрена ж ты туда поехал? – удивляется он.

– Да, были те, кто отмазывался.

– Ну вот видишь, а ты почему снервничал?

– Противно, не хотелось заниматься этой вознёй. Я тогда об этом и не думал. Решил – обычные сборы приписного состава из запаса, я уже бывал дважды на таких. Хотя, если бы и знал... да я знал. Потом нам сказали: «Выдвигаемся в Чернобыль, на ликвидацию последствий аварии».

– Значит, ты сознательно поехал, не думая о семье, взял вот так вот и поехал. Молодец! Выглядишь неплохо, морда, прямо скажем, счастливая, незаметно, чтобы ты сильно убивался по работе. Это меня радует. Я даже завидую немного, что ты забил на работу.

– А что – дезертировать? Было таких двое – каждый получил по два года. Да и не думалось даже... мыслей таких не было, не появлялось. Надо – значит, надо. Чего там рассусоливать. Вот я не поехал, он не поехал, другие не поехали. И где бы ты сейчас был? Те, кто остался дома? «Если не я, то кто же?»

– Типовая отмазка! Ну да, а ты у нас герой, сознательный. Потом жена с тобой, инвалидом, нянчилась бы. Ты бы лежал весь в капельницах, памперсах обделанных, шесть пересадок костного мозга, и ты уже видишь перед собой вечность одним глазом. Помахал там лопатой, а потом радость на всю жизнь. У меня знакомый с Рижского электромеханического завода, бегал счастливый, всем рассказывал, какие там у него будут надбавки, доплаты, льготы. Ну и что? Закопали в прошлом году.

– Во-первых, мне было легче, потому что я хоть и был на передовой, можно сказать, но у меня был дозиметр, я мог не только другим помочь, определяя, где какая радиация, уровень, но и сам реагировать, защититься, что ли. А главное, никогда не заморачивался ни там, ни после.

– Надо было исключительно добровольцев туда посылать, а не всех подряд. Дать им денег соответственно, и пусть ликвидируют.

– Где же столько наберёшь сразу добровольцев! Надо было быстро решать! Устранять опасность. Да, мне заплатили около восьми тысяч рублей. За восемьдесят дней.

- Неплохо! Я считаю, что это твой самый удачный бизнес-проект.
- Какой же тут бизнес?
- За кооператив долги вернул, за квартиру, стенку югославскую купил. Пенсию приличную получаешь. В принципе, Чернобыль позволяет тебе писать книги, не думая о куске хлеба. Это неплохо! Тут, конечно, повезло, но в этом есть некая... В принципе, оказывается, ничего не делается просто так.
- Конечно! «Кому суждено отравиться консервами, тот не утонет». Это пахивает буддизмом.
- Да, безусловно.
- Могилка нас всех уравнивает.
- И очень даже быстро!
- А ты вот в Москве тоже регулярно получаешь хорошую дозу радиации. От домов, мостов, тоннелей.
- Ну, я вот тоже приличное бабло колочу за свой бизнес-проект. Звонят телефоны, он извиняется, даёт указания подчинённым, прощается.
- Ну, будь здоров, не болей!
- Ты тоже береги себя!

Каждый год, 26 апреля, встречаемся. Все, кто смог и кто остался в живых из нашей роты, других подразделений.

Дал заранее объявление в газете, на первой полосе:

«Сталкеров из роты радиационно-химической разведки приглашаем на встречу, сбор в 14 часов у Христорожественского собора в Риге».

Прихожу на работу утром, а там сидит мужик в чёрной форме подполковника. Морда французского бульдога, приземистый. Корочки показал, представился:

- Ян Янович Янсонс, служба безопасности.
- Занятое сочетание имени и фамилии, подумал тогда.
- Я хотел бы кое-что уточнить по поводу вашего объявления в газете. Что это за группа такая – «Сталкеры»? Какие цели и задачи вы преследуете? Есть ли у вас устав, сколько человек в вашей организации? Подробно расскажите.
- Это вопрос?
- Нет, пока профилактическая беседа.
- Я могу не отвечать, потому что ничего противозаконного не делал. И мои сослуживцы по Чернобылю – тоже.
- Тогда мне придётся выписать повестку и пригласить вас на беседу в службу безопасности.

И довольно долго, въедливо по ушам моим ездил, выяснял – не члены ли мы тайного общества кагуляров, созданного с целью подрыва независимости успешной демократии Латвии?

Чиновники – страшнее радиации. А уж с инициативой – и того хуже.

На другой день встретились мы, фотографируемся, радуемся, что ещё один год прожили, делимся новостями. Журналюга вертится с микрофоном. Интервью у меня взяли. Вечером показали в новостях куцый ролик. Смонтировали мой рассказ, и осталась от него выжимка, на полторы минутки скабрёзная информация о том, что жена довольна мной как мужчиной.

Пошловатый анекдотец остался и морда смеющаяся журналюги.

Зарёкся после этого что-то говорить на камеру.

Но, надо сказать, в массе своей люди вели себя легкомысленно по отношению к радиации. Первый шок после катастрофы пережили, забылось слегка. И всё медленно возвратилось на круги своя.

Память – субстанция пластичная, исчезающая по собственной своей воле прихоти, но и коварная в то же время.

Поехал я в командировку в Москву, а паспорт – забыл, только удостоверение черномыльское в кармане оказалось, голубого цвета и союзного образца.

«Парад суверенитетов» только начался, ещё действительны были советские паспорта, да вот свой-то паспорт оставил я в спешке дома.

В гостинице при регистрации сказали, что удостоверение моё для них не документ. Послали в милицию – пусть, мол, они печать поставят на заявлении, удостоверят, кто вы такой. В Москве мазуриков всяких национальностей и мастей – пруд пруди. Вон через дорогу отделение милиции. Тогда и оформим: места есть, не волнуйтесь, на лавочке спать не придётся.

Воскресенье, осень золотая, день тёплый. Вошёл в помещение – дежурный сонный дремлет очумело в столбняке, укачивает сам себя на табуретке. Заявление ему подал. Он прочитал, смотрит удивлённо, словно глазам своим не верит. Потом поворачивается в сторону, куда-то вглубь коридора, и кричит:

– Товарищ капитан – пришёл!

«Зачем? – думаю. – Может, развод какой, на деньги? Не буяню, не в розыске».

Он встал, дверь зарешёченную приоткрыл.

– Заходите, товарищ! Не волнуйтесь, сюда, пожалуйста!

Показал рукой. Вежливо. На двери табличка – «Комната инструктажа».

Но как-то стрёмно, потому что чересчур вежливо и при этом – в милиции! Непривычно, хотя там тоже люди разные есть.

Прошёл. Сидят, португепями хрустят. Сонные, морды недовольные. Видно, отдохали, да потревожили нехоти. Человек несколько набралось. Следом стремительно капитан влетел, козырнул:

– Здравия желаю! Капитан Панченко! Сюда проходите! – указал на тумбу на столе.

Подхожу, а он поставил на стол сумку, до боли знакомую... ДП-5Б! Опа! Родной дозиметрический прибор! Аж плечо заныло, по старой памяти, когда увидел.

– Вы действительно «чернобылец»?

– Так точно! Старший лейтенант запаса Петраков Владимир Викторович, замкомроты радиационно-химической разведки, полк гражданской обороны номер...

– Хорошо, хорошо, товарищ старший лейтенант! Просто замечательно! А нам вот – выдали, – и засмеялся радостно, – а до конца не довели этот вопрос.

Взял я в руки прибор. Старая история:

– Батарейки нужны!

– Да? – удивился.

– Три – круглые.

– Понимаете, товарищ ликвидатор, мы уже третью неделю пишем в журнале при сдаче-приёме дежурства – «радиологический фон

нормальный», а как его включать, с какого боку-припёку? Потом же и по радио и по телевизору говорят: «Радиологический фон нормальный!» И чем дальше, тем переспрашивать-то – опасно с начальством шутить. Один раз конкретно спросят, а мы ни тпру ни ну! Благодарю! От всего коллектива.

Руку пожал, чуть от плеча не оторвал с радости!

Это – в Москве! Четыре года почти прошло после катастрофы!

* * *

Однако прошло время.

Жена в больнице, дочь далеко.

Спал я спокойно до какого-то момента, пока однажды, в пустой квартире, явственно не ощутил, что на пороге спальни кто-то незримо присутствует, и стоит закрыть глаза, как невидимка начинает бесшумно двигаться ко мне.

И вроде бы на Андрея Карягина похож?

Я мгновенно открывал глаза, тарасился в темноту. Она казалась подвижной, молчание – опасным.

Зачем пришёл и чего хочет от меня ночной незванный гость? Продолжить давешний спор?

Возможно, опытному психологу это не показалось бы странным, но я в ту ночь долго не мог уснуть. Лежал, вспоминал. Пытался оглянуться туда, где провёл почти три месяца, самых первых после катастрофы.

Память подсовывала лишь внешние приметы разрухи, беды, но что-то главное оставалось, манило и вызывало острое желание вернуться к этому...

Вскоре он позвонил, договорились о встрече. Примерно год прошёл.

Я даже слегка обрадовался.

Общаться с ним было интересно, я это отметил ещё там, в Зоне. Он был начитан, имел своё мнение и явно был знаком с самиздатом.

Я сразу согласился прийти на встречу.

Когда ехал к нему, понял, что ждал этого звонка, готовился, не отдавая себе отчёта.

Какой-то внутренний диалог с Андреем присутствовал во мне.

И сейчас – тоже.

Осень. Свежо. Кольцо «четвёрки» троллейбуса, пустынная дорожка в гору, потом вправо, к бирюзовому на фоне соснового леса стеклянно-му кубу киностудии.

На проходной меня не пускали, Андрей прибежал без куртки, выговаривал резко и громко охраннику. Я показал паспорт, оформили пропуск.

Шли к нему на работу, были рады встрече, смеялись, настроение отличное.

Ему звонили в разгар нашего застолья, он заправлял в проектор очередной кусок отснятого материала, в зале сидела киногруппа, обсуждала монтаж будущего фильма. Иногда долетали громкие голоса спорящих.

Мне показалось, что мы вместе с Андреем тоже монтируем будущий фильм, проговариваем раскадровку, сцены из того, что нам обоим хорошо знакомо, но отношение к этому у нас различное и часто – спорное. Даже на повышенных тонах временами говорили.

Мы вспоминали Зону и строили декорации «Невидимого града Китежа» на фоне мощного звучания оперы Римского-Корсакова.

Завораживающее сумасшествие полёта классической музыки делает и слушателя сумасшедшим.

Нам хотелось тождественности восприятия той непростой обстановки, но каждому она виделась по-своему.

Нет, он не оправдывался за тот поступок. Хотелось сказать – позорный, но я назвал его нейтрально-пацифистским.

А он говорил, что надо было всем взяться за руки, упасть и никуда не ехать. Я возражал – кто же тогда будет выгребать весь этот говносрач радиации? Опять – ээки? Он кричал, что серьёзным делом должны заниматься профессионалы, а занимаются необученные ополченцы, в очках с шестью диоптриями, и история с «пушечным мясом» повторяется. Ущерб от этого многократно увеличивается.

Найди в себе мужество, говорил я, принимай ситуацию такой, какая есть.

Боялся ли я тогда? Сидя в студёном майском лесу, завернувшись в бесполезное, линючее одеяло? Нет. Возможно, потому, что про Зону я узнал только в эшелоне...

Хорошо тогда выпили. Я примирительно предложил, что продолжение должно быть обязательно, только теперь уже на моей «поляне».

Он ничего не ответил. Вдруг замкнулся, стал немногословен, отвечал рассеянно, проводил меня до проходной.

Пьяный и оглушённый спором, я возвращался домой. Тогда меня часто настигало это ощущение. Желание выпить и ожидание будущего раскаяния после пьянки.

К этому добавлялось тоскливое понимание пустоты, никчёмности всего, что вокруг, что видишь, делаешь. И надо приложить какое-то внутреннее усилие, чтобы заставить себя идти, заниматься простыми, обычными делами.

Сместились смысловые акценты, и жизнь была словно обед без всякого аппетита. Да и не хотелось, чтобы он был.

Апатия была вместо аппетита.

Встреча показалась мне странной, неожиданной. Она была похожа на исповедь, но я это понял позже.

Потом я часто слушал ту кассету. Я хотел подготовиться и вернуться к нашему разговору.

Текучка плотно меня захватила, я что-то делал, а в голове постоянно прокручивались целые куски той встречи.

Мы искали истину в чистом виде, не вспоминая детей, которыми он тогда прикрывался, семьи наши. Тоже пострадавшие в этой истории.

И было это невероятно важно, чтобы переосмыслить, жить дальше и самоутвердиться в прошлом и настоящем.

Вскоре кассета исчезла таинственным образом.

И вряд ли теперь уже найдётся. Необъяснимо она исчезла из моей жизни, словно кто-то из-под локтя выдернул и спрятал во избежание большей беды.

Ситуация постепенно становилась наваждением.

Однажды, под утро, приснился сон.

Во сне я подхожу к занавеске, приоткрываю её слегка и вижу, что на лоджии стоит мужчина в тёмном костюме, боком, и начинает медленно поворачиваться ко мне. Вселенский холод охватывает меня. Я в ужасе кричу: «Помогите!»

Просьпаюсь от страшного крика и не понимаю сразу – где я.

Слышу шум – соседи наверху проснулись. Мне неловко, но как им сказать сейчас, что это во сне?

Становится невыразимо стыдно.

Так и пролежал до утра, не сомкнув глаз.

Утром позвонил Гунтис и сказал, что Андрей бросился под поезд. Погиб.

28 августа 1986 года академик Валерий Легасов, который руководил работами по ликвидации последствий катастрофы, пять часов делал доклад, отвечал на вопросы международной комиссии МАГАТЭ о положении дел в Чернобыле.

Он аргументированно убедил представительную комиссию, что ситуация под контролем и самое страшное позади.

Вернувшись, он несколько часов записывал в кабинете на диктофон всё, что произошло, сделал выводы.

Дома повесился.

Позже его записи разобрали, но в чём главная причина катастрофы, так и не нашли.

Кто-то явно стёр это место на кассете.

Возможно, не захотел, чтобы другие узнали будущее, ведь это смертельно опасно, или узнали, кто же главный виновный в этой трагедии всемирного масштаба, у неё будет, наверняка, продолжение, а потому и другие полезли бы в петлю?

А кто-то заглянул в бездну безысходности, понял самостоятельно, в чём причина, и совершил суицид.

Люди породили техногенные катастрофы, и не имеет значения, кто руководит страной. Миром правят катастрофы.

Фактор взрыва – новое измерение, в которое не всё известное на момент взрыва может вписаться.

Радиация – спящий зверь, но он обязательно проснётся. И на Земле, и в человеке. Вся сложность – угадать, когда, где и как шархнет атомный вулкан. И не один.

Всё громче работает часовой механизм счётчика Гейгера. Не спрашивай – для кого.

Радиоактивный пепел Чернобыля стучит в моё сердце.

* * *

Только беда, коварная гадина, не спрашивает – вы дома или на работе. Найдёт везде.

Обследование прошли вместе с женой.

Плохие у неё анализы.

Лечить надо срочно. Требуется пересадка костного мозга.

Надо – значит, надо! Я за неё переживаю.

И вот лежу в палате. Храп и духота, хотя нас всего четверо, палата для взрослых мужиков маловата. Я не спал всю ночь.

Скомканная серость больничного белья.

Сны перед операцией не снятся. Потом наркоз удачный, и вот тогда уже полная эйфория, неуправляемая.

Слова замирают, теряются по пути, смысл не долетает, не трогает, скользит прозрачной капелькой по трубочке и проникает, бежит по жи-

лочкам к месту забытья – анестезия коварная. Капли увеличиваются, бессилие закутывает в сонную лень, предметы пухнут, слова разбухают сухарём в чае, тянутся замедленно, распадаясь на звуки, смешно и непривычно, но я уже не властен над этим, и звяканье медицинских инструментов гасит часть слов.

Где-то рядом, под покрывалом, – жёнка моя. Одна мысль – только бы ей это помогло.

Ассистенты, врачи, много людей в побуревших от дезинфекции халатах. Склонились молча. Лица в масках, только глаза – читай, что там они рассказывают по ходу операции. Да только спать хочется невыразимо.

Руки в перчатках протягивают, и другие руки навстречу в них вкладывают инструменты.

Стерильная духота дезинфекции. Не спрятаться. Сосновой, янтарной живицей вспыхивает горячее перед глазами и гасит боль ненадолго.

Усиками, лапками осторожно боль пробует меня, вползает настойчиво, бьёт зазубриной в позвоночник. Потом трогает, шевелит молча, рывками, мандибулами прихватывает, покусывает приступами. Слева, справа, сверху, опять слева и уже совсем непонятно откуда.

День, меркнущий от затаённой боли, и ослепительный мрак сознания, предстоящей бессонницы и несурезицы времени.

И кто-то невидимый не спеша сматывает в клубок, извлекает из середины меня, из самых потаённых уголков, – жилы, нервные верёвочки, ниточки, чувствительные волоски, которыми весь я связан в единое целое. Они шершавые, слегка щекочут, мышцы в глубине сокращаются. Меня из меня извлекают. Горячее, ценное, влажное и текучее, основа жизни, без чего невозможно жить.

Я ведь теплокровное существо, а потому очень восприимчив к радиации и могу погибнуть от неё. В отличие от рыбы, например, которая расплодилось в огромных количествах в прудах-охладителях. Блики воды на солнце.

Ядовитая рыба-фугу, начинённая радиацией.

... Чёрная ночь. Высокая, густая трава. Я проваливаюсь в яму. Там когда-то был колодец. Края осыпались, но ночью этого не видно. Ночью вообще плохо видно.

Так уже было однажды с нашей машиной, во время ночной смены в Зоне. Кирсанов тогда размотал трос для самовытаскивания, обмотал им толстый ствол сосны, зацепил крюк, и машина медленно сама себя подтянула на сухое место.

И каким-то невероятным чутьём, через смещение времени и ощущения неведомого там, за ширмой, пробиваются ко мне, спящему моему сознанию, внутрь сосудов, в самые кончики нервных волосков, уже другие звуки тех же инструментов, вдруг приходит осознание – всё!

Закончилось.

Через усталость, пустоту – ликование. Тихое, бессильное, восторженное до слёз, понятное только мне, потому – молчаливое.

Отрывочные сполохи воспоминаний.

Соколов, министр обороны, дважды прилетал, чиновники высокого ранга – не пересчитать, академик Сахаров...

Ему привозили большие цветные фотографии, спецкоманда ездила к реактору на БТР. Посмотрел он на фото и говорит:

– Единственный вариант – направленный подземный взрыв!

Я после возвращения в газете прочитал, что дотошные японцы собрали мощный компьютер, соединили тридцать восемь штук, загрузили исходными данными по Чернобылю. Он пожужжал довольно долго, сосредоточил все микросхемы на главное и выдал:

– Единственный возможный вариант – направленный подземный взрыв!

Вот это – голова! Настоящий академик! Скольких комьютеров стоит! И когда Сахарова на трибуне эта сволота депутатская пинала, гнобила и захлопывала, лично мне было обидно! И стыдно очень! За них! Я-то его с другой стороны знал, чуть-чуть, хоть и не лично! Таким «достоинством» – разбрасываться! И за державу было обидно, которая умирала и которая нарождалась, я же имел на это право, хотя и прав-то – не качал! Попереживал внутри себя.

А «Укрытие» строили двести шесть дней. Ступеньками, как и положено пирамиде. Кроме арматуры, бетоном заливали всё, что было под рукой и страшно фонило от большой дозы радиации.

Всё шло в дело.

В первую, семиметровую, ступень вмуровали пожарную технику, БТРы.

Во вторую вертолёт и, по слухам, – людей.

Третья... кто там?

Сверху две балки:

– «слон»

– «осьминог».

На них трубы, дальше металлические конструкции и крыша.

Почему не всё залили бетоном? Чтобы обеспечить охлаждение и циркуляцию воздуха. Если бы залили, внутри этого монолита мог произойти сильный нагрев, и тогда не избежать новой катастрофы.

Сахаров и строители – космос и муравьи.

Полесское ещё не выселили.

Ночью подскочим, душно, двери на телефонную станцию приоткрыты. Семь-восемь женщин только успевают штекеры вставлять, вызывать и соединять людей.

Улыбаются, кокетничают.

И мы поулыбаемся, конфетами угостим.

С родными удастся поговорить – праздник.

Рваные воспоминания.

Иногда плавные, а то вдруг – залихорадит ознобно, потащит стремительно, ноги вверх поднимаются сами, словно невесомость мгновенная включилась, голова – вниз, тошнота накатит и сменится всплеском, блеснёт, замутит, отвлечёт ненадолго, но вяло и слабо, только фиксирует – это так, и не трать эмоции попусту.

Возвращаюсь к этому постоянно, в самое разное время суток. Вспоминаю эти ощущения. Как зуб больной языком тереблю.

Капельница – молчаливая плакальщица, рядом с кроватью истекает секундами. Пакет прозрачный, отдельным, наружным органом работает вместе с остальными, теми, что внутри.

Игла в вене торчит привычно из-под пластыря, не раздражает. Только подключают к лекарствам или отключают. Стараюсь меньше шевелиться. Притуплённость взломанного снаружи кода организма.

Буду теперь лежать, ослабевший, и восстанавливаться не спеша. Всё позади, и мысли летучие, как пух тополиный, лёгкий и горючий – достаточно одной искорки, и займётся голубым пламенем. Неутомительная мудрость как-то сразу через боль, страдания. Смотрел на всех, жалея в душе, а себя – раньше других.

Бог – боль.

Любовь – боль.

Свобода – любовь.

Ясная бессловесность кратких, простых движений.

Чаинки плавно в стакане кружатся, парит недуг в простынях, бесшумно и невесомо. Приподнял исколотые пальцы, торжественно вдруг получилось, как знамение, такая прозрачная хоругвь пальцев, лёгкий разбег крови по жилочкам ощутил, я не человек вовсе, высшее существо, и люблю сейчас всё человечество, зверей, птиц, траву, деревья. Всякую малость, начиная от самой неказистой, камни при дороге, от микроба и выше, даже тех, кто и невидим, всякую несуразность, нелепицу.

И снова – до слёз!

Кругом разнообразная жизнь, надо только себе представить, потому что реальная жизнь там, за стенами клиники, и всякая живность, мутировавшая в радиоактивном мозгу, вырвалась наружу, повывлезали химеры из-под нервных окончаний, развязали эти невидимые путы, рванули на свободу от проржавевших, ломких кровотоков и нуклидов.

Мозг видит без глаз. Воображение его – зрение слепого. Эмоции обостряются в темноте, ум постоянно отыскивает пищу и отвечает на молчаливые вопросы.

Сморгнул, всмотрелся, а там уже другие картинки. Ищу, вглядываюсь до ломоты, хрусткой боли, до песка в глазах, пристальной, сильнее, голова начинает кружиться. Жмурюсь усиленно, глазные яблоки чувствую, их округлость, неровности, выпуклость в середине, где хрусталик и радужка под плотными веками.

Такая игра с собой в тишине. Совсем ни о чём не думать не могу. Ум и воображение, что ещё можно позволить себе в такой обстановке. Телек даёт картинку и гасит воображение. Книги питают разум, будят воображение. Первое время трудно держать в руках книгу – устаю быстро. Плеер. Диски...

И всё-таки на первом месте – шёпот, возникающий во мне, потом слово, от него начинается любой сюжет.

Шёпот от движения кровотока и рождение слова.

– Эх! Картошечки бы сейчас, на сале, да под солёный огурчик, упругий и ароматный! – Молчи, утроба, усохшая, самоедная, скукоженная на больничной скудной пайке, не ворчи! Жди своего часа! Слюни бесполезные сглотнул, буркнула обиженно пустота в желудке, потребовала свой ясак.

И снова слюны полный рот, запахи кругом притаились и душат.

Тихо. Только лёгкий звук догоняет. Крохотные звоночки хрустально вызванивают вокруг, невидимые. Весело, как у ёлки новогодней, и улыбаться хочется.

И не привыкнуть к этому, а иду, что-то превозмогая в себе.

Вчера с вечера, перед операцией, подобрал причинное место, за чем-то ещё и подмышки. Каждый раз спрашиваю – зачем? – Так надо, смеётся сетричка, – какие же вы, мужчины, нежные! Просто хрустальные фужеры на тонкой ножке, а не мужчины!

Потом всё отрастает, колется, чешется неприятно, словно вши лобковые завелись незнамо откуда – сикарашки резвые.

Спросил сестрицу:

– Чего я там плёл... помню, что говорил, а вот что? – в анабиозе?

– Вы у нас самый лучший пациент! Полтора часа стихи читали! И всё – сплошь про любовь! Хоть брось инструмент да записывай. Чудно! Так романтично!

«Эк из меня попёрло! Как из мешка дырявого!» – подумал и возразил:

– Я что-то с ходу и не припомню, чтобы вот так... на полтора часа репертуара у меня на чердаке, – постучал костяшками пальцев по голове, получилось приглушённо, смешно. – В следующий раз «Владимирский централ» исполню. Классику жанра. На бис!

– В следующий раз магнитофон припасём! – смеётся сестра. – Предъявим к озвучанию.

Первые три дня сильнейшая жажда одолевает и жить хочется. А через пару недель – всё цветёт и пахнет.

Спасибо родителям, добротню склепали...

* * *

Можно ещё немного полежать. Сестричка напомнит заранее, если процедуры. Все уже знают друг друга, годами общаемся. Притёрлись. Ещё бы – пока окончательно восстановишься, тащит по синусоиде вверх-вниз. Бывает, месяца четыре колбасит. Лейкоцитов мало, и заболеть от простого ветерка запросто, а вот уж потом долго придётся от этого излечиваться.

Тихо пробирайся по краешку, не пыли.

– Ну что, герой, – заглянула в палату сестричка, – поехали.

– Пое-е-ехали!

Меня укутывают на каталке в тёплые одеяла, шапочка вязаная на голове неловко притиснута. Везут из старого корпуса, без перехода, в операционный – недалеко, метров сто.

Деревья высокие смотрят сверху, провожают, ветками машут. Старые, чёрные липы. Вороны орут оглашенно, эхо как от выстрела. И наплывают воспоминания.

Странно – мне ни разу ничего не снилось, даже собаки лысые в «рыжем лесу», пустые многоэтажки в покинутой Припяти.

Лес, дремучая чаща вместо городов, деревень, событий. Он вырос на пепелище забвения. Зелёный, густой и красивый. Глянесь – и забудешь все невзгоды.

Только в последнее время стало что-то приходить. Или кто-то. Раньше даже в наркозе и то не приходили оттуда.

Космическая война, развороченная громада блока, трубы, железо, бетон исковерканный, и марево туманное, смертельное, жара.

Достаточно глаза прикрыть, и обдаст мощная испарина с головы до пят.

И неясно так всплывает, исподволь, и некомфортно вдруг становится, тревожно.

Должно быть, нуклиды по тропинкам кровотока добрались вкрадчиво до самой подкормки, раздражают исподволь память, потрескивают, как дозиметр, переувешивший уровнем радиации...

Пекло, солнце пробивается через мутную пелену, как через стенки немой молочной бутылки, и натурально – жалит, и давит на перепон-

ки, виски, дурь в голове возникает, словно веселящего чего-то глотнул, и холодок внутри от опасной грани, которая рядышком, тонким лезвием безжалостной бритвы, на миллиметр от сонной артерии оказалась, а по спине вода течёт – зной!

Пижонили – фото делали, хоть и запрещали, конечно! Точки белые после проявки – опыты Кюри вспоминал из школьной физики. И от этого ещё нереальней всё вокруг становилось.

Это в первое время было так.

И само время – колючее, физически чувствовал – царапает кожу, обжигает горячими песчинками, крапивным семенем, покалывает, как в пустыне в сильную бурю. В невидимые бреши в куполе прорываются нуклиды, ветер перетаскивает их в немереных количествах. Но – нет ветра, а кожа горит, пылает, распухает на глазах, кажется – сейчас лопну! Взорвусь от их замедленного на годы действия, разлечусь на миллиарды невидимых миру точек, вольюсь в реку атомов, и понесёт уже не меня, а пыль, прах и тлен, планктон мельчайший, всё, что осталось от примет человеческого, во все концы Вселенной, чтобы вскормить небывалое прежде.

Пульсирует материя невидимой опасностью, картину искажает, нечёткой делает местами, и ничего я с ней поделывать не могу! Бессилен и беззащитен. И мысли о самоубийстве вновь начинают появляться, потому что виски ломит от переизбытка давления, которое уже внутрь проникло коварно, пока дышал, и не остановить его по-другому! Объелся нуклидов, а они – везде, и как дышать, а их не объесться?

Нереальная реальность.

Пронесётся они сквозь всё и вся: через меня, скот, машины, дома, планеты.

Пытаюсь смахнуть с себя, очиститься от них!

Бесполезно! Нет им преграды.

Скользят, струятся, движутся по своим законам, и непонятны им страсти человечьи!

Равнодушна природа к своим детям – выплывай как хочешь, если сможешь – дальше живи.

Может, человек и мстит за это равнодушие природе?

Нет? Тогда – прощай! Слабак!

Опасно? Трижды меняли методику учёта – сколько же мы реально «съели» там, в Зоне?

Дозиметрические приборы показывают уровень радиации на местности, а не дозу облучения. Умножаем эту цифирь на время пребывания в Зоне, и вот она – доза, которую получил здесь и сейчас.

Замеры в лагере через два часа.

В результате каким-то образом подползли к черте – 20 рентген. За 25 пригрозили отдать командира под трибунал, и я однажды подумал:

– Есть же радиотерапия! Кому-то она помогает, для кого-то может оказаться смертельной, а – помогает! Каждому своя доза. Однозначно! Радуйся, что тебе хватило этой дозы и можешь жить дальше.

Как говорил Козьма Прутков: «Хочешь быть счастливым – будь им!»
Совсем недавно у Андрея Белого нашёл в поэме 1921 года:

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной лопнувшей бомбой!

А Хиросима была аж в 1945-м! Русский поэт! Конечно – «больше, чем поэт».

И снова – Зона зовёт меня.

Бармин позвонил.

Жена в Россию уехала, сын в Англию.

Живёт один, с собакой. Схватил его приступ, ни встать, ни лечь не может. Спина!

Подскочил быстро к нему. Благо три остановки.

Первым делом овчарку выгулял и бегом назад. Она умница, всё понимает, слушается.

«Скорую» вызвал. Приехали быстро, сделали уколы.

Я сбегал за продуктами.

Чай пьём.

Карту достал Бармин. Сидим, молчим.

– Я там гранаты купил. Ты же военный, как без гранат?

– Постель осточертела. Сам себя подорву гранатой. Так всё надоело.

В памперс отлить ночью – это кошмар. Ты мне сигарету прикури, руки трясутся, не прикурить.

– Чем лечишься?

– Селен пью. Вся Европа пьёт селен. Сил хочу набраться. Может быть, съездить... прокатиться по нашим местам, чернобыльским. В Полесское заскочить, хотя там уже лес до небес наверняка вырос. Дороги многие перекопаны, несколько контрольных пунктов. Из Овруча дорога действует. Там есть гостиница, можно остановиться. Пока при разуме, при силёнках, съездить бы надо. Каждый раз, когда показывают по телеку, я думаю, а почему бы не съездить?

– Можно залезть в Интернет, посмотреть, не рисковать.

И снова молчим, смотрим на карту, заново переживаем.

Потом Саня ко мне на выручку приезжал. Спина. Караул!

Тридцать два укола, блокада, десять сеансов лазерной терапии, вот и я – в строю.

Лежу на каталке, посиделки наши вспоминаю.

Я смотрю в небо. Весна.

Снова – апрель. Год у меня начинается в апреле.

Птицы с ума посходили, засуетились в семейных хлопотах без устали, счастье короткое обустройствают.

В который уже раз.

Свежо и влажно. Какая бурная была зима, завалило снегом весь город, морозы свирепели временами нешуточно, вьюга выдувала на флейте ветра грустные мелодии, всё это обильно, затяжно. Казалось, что продлится зима до июня месяца. Однако всё снежное богатство съехало, растворилось и распалось бывшее великолепие, будто кубик сахара в стакане горячего чая. Проталины чёрные тотчас проявились, вынырнули блестящей тюленьей тушей, из-под тяжёлой, ноздреватой снежной волны и так же быстро красоту растеряли.

Крепость зимы пала, а люди ещё не успели снять доспехи толстых одежд.

Пасха тоже ранняя в этом году, прилась на единый день, словно бы люди устали доказывать важность конфессиональных тонкостей – о главенстве кого-то одного над всеми остальными – согласились, что Бог един для всех, как горе или праздник.

Главнейшая же радость – всё теперь будет нормально, пересадка прошла успешно.

Теперь жить мы будем долго и светиться от счастья, а не от избытка радиации.

Хибакуша, жёнка моя любимая.

* * *

Чумеют все вокруг, вежливо отодвигаются. Дыхание сдерживаю дышу через нос, пыхчу себе привычно, ёжиком в траве топочу, потею слегка. Маска надоела.

Почему не убежал? Да разве ответишь сегодня, почему не полез в пролом забора, не убежал тогда с той суетливой кодлой?

Чистоплюй!

Скоро, совсем скоро выпишут нас с жёнкой.

– Сестричка, скажите честно, юшка моя пригодилась?.. Юха моя? – хочу услышать добрую весть, спрашиваю, хотя знаю, что всё в порядке, но хочется ещё раз убедиться.

– Не волнуйтесь, всё идёт наилучшим образом.

«Мы же свои, – улыбаюсь молча, – хибакуша!»

Лежу на старой каталке, держусь за края:

– Жаль, прозевал в этом году капель! Как было бы здорово раскрыть окно, вдохнуть свежесть, подставить ладони, лицо прохладным каплям навстречу. Потом отзовется лето уютным ласковым теплом, и мы будем гулять с жёнкой, ручки крендельком.

Сходим в кафе-мороженое.

Смешно стало.

Миллионы капельниц просто сочатся раствором дождинка из дырявого пакета-тучи на землю.

Глаза – капельницы слёз. Они влажные. Сильная слабость.

И дышать, дышать студёным воздухом! Плотным, живительным, как вода из чистого колодца.

Забутьё, короткое.

*... я шёл по тропе
среди голого леса
так странно
две птицы
на ветке
невысоко
не больше скворца
оранжевым
опереньем
глаза
зёрнами чёрного перца
клюв
блестящий
лаком козырька
лапки-веточки
старческие
цепкие по-детски
они сидели рядом
я перестал дышать*

протянул руку
одна
стремительно
коснулась клювом
кончика пальца
повертела головой
любопытная
потом
птицы
снялись
с ветки
а я
не услышал
шороха
крыльев
в тишине
утреннего
сна